

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

3.2

5 выпусков в год на 14 языках

Социология
как призвание

Андре Бетей,
Джеклин Кок

Политика
на Ближнем
Востоке

Мустафа Аттир,
Сари Ханафи,
Ферас Хаммами

Реакция
на португальский
кризис

Хосе Созйру,
Дора Фонсека,
Мария Луиза Кварезма

- > Тайваньская социология: тройной поворот
- > Социология маленьких государств
- > Вопросы морали в Чили
- > Экологическая политика в Чили
- > Мигранты заняли центр Сантьяго
- > Интернационализация социологии
- > Американская социология пришла в упадок?
- > Балканы вне балканизации
- > Междисциплинарность
- > Социология и социальные трансформации
- > Глобальные социальные движения
- > Участие молодежи в деятельности ООН
- > Фотоэссе: Настоящие женщины народности бедик

БЮЛЛЕТЕНЬ

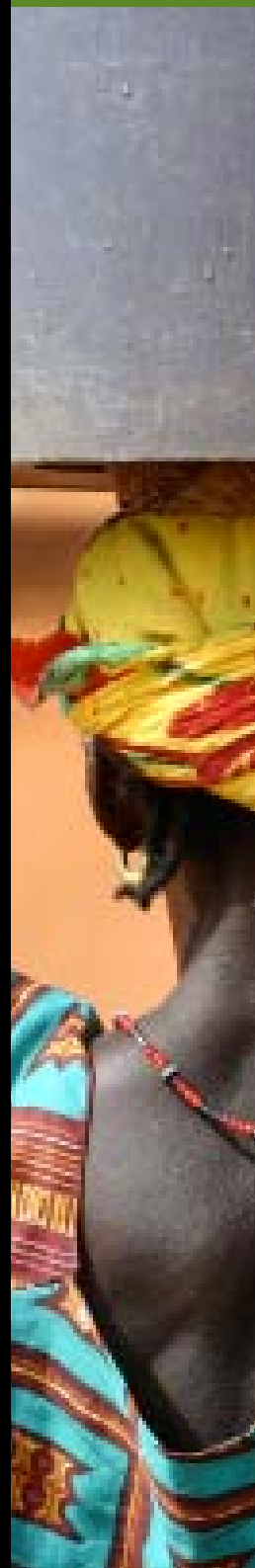

International
Sociological
Association

ТОМ 3 / ВЫПУСК 2 / ФЕВРАЛЬ 2013
www.isa-sociology.org/global-dialogue/

ГД

> От редактора

В мире неравенства

Я пишу эту колонку, находясь в Рамаллахе, административном центре Палестинской автономии на западном берегу Иордана. Это исключительное место открывает новые перспективы доминирования, влияющие на условия для занятия социологией не менее, чем на объект ее исследований. Если Газа подвергается стремительному и ужасающему насилию бомбардировки, то западный берег Иордана переживает медленное насилие (по формулировке Джеки Кок в этом выпуске «Глобального диалога»): географическое разделение, увеличение количества контрольно-пропускных пунктов, стена, посягающая на права палестинцев, изгоняющая их с территории и разлучающая с близкими – все это служит продвижению односторонней экспансии Израиля.

Жизнь на западном берегу Иордана характеризуется ненадежностью и нестабильностью. Но палестинцы хорошо умеют защищаться от жестокости израильского государства. К примеру, университет Аль-Кудс в Абу Дисе проспонсировал уникальный эксперимент под названием *Campus in Camps* (Кампус в лагере). Этот проект был создан с целью принести новое, критически-ориентированное, образование в лагерь беженцев. По замыслу Алессандро Пети, Санди Хилал и Мунира Фашеха пятнадцать молодых мужчин и женщин из четырех лагерей разработали «коллективный словарь», проблематизирующий основные понятия социальных наук: гражданство, участие, благосостояние, стабильность, знания, отношения, общие ценности – наделяя их локальными значениями. Этот интенсивный процесс фрейрианского обучения привел к трансформации социального самосознания, в результате которого лагерь больше не воспринимается как места виктимизации, но становится политическим пространством, формирующимся с 1948 года.

Как описывает в этом выпуске «Глобального диалога» Ферас Хаммами, исключение относится и к доминирующей стороне: израильские власти борются с расколом в своих собственных вузах. Бесспорно, Израиль – не единственный пример диктаторства в этом регионе. Мустафа Аттир рассказывает, как работали социологи при режиме Каддафи и какие трудности из этого следуют для нового порядка. Далее, чилийские социологи Ориана Бернаскони, Алехандро Пельфине и Каролина Стефони повествуют об ограничениях и парадоксах, сопутствующих переходу к демократии, и их влиянии на моральные вопросы, окружающую среду и миграцию. Тема демократизации также проходит через статью Майкла Сяо, в которой он описывает восходящую траекторию тайваньской социологии, начиная с заимствования американских методов и теории, переходя к последующей критике авторитарной правящей партии «Гоминьдан» и заканчивая радикальным поворотом в сторону демократического движения. В противоположность этому оптимистическому видению, Су-Чжэн Хуан ставит под сомнение возможность социологической работы в маленькой стране с ограниченным исследовательским сообществом.

Подобные препятствия, однако, не являются помехой для новаторских техник социологического вмешательства. Как пишут Хосе Созйру и Дора Фонсека, португальские социологи разработали инновативные техники борьбы с жесткой государственной экономией, и многие из них заимствованы из Латинской Америки. Этим молодых социологов меньше волнуют дилеммы, красноречиво описанные Элоизой Мартин, редактором *Current Sociology* – дилеммы, связанные с работой в профессиональном мире, регулируемом северными нормами. Молодые социологи готовы адаптировать и воссоздавать социологию в любой точке мира, бросая вызов разрушительному воздействию третьей волны маркетизации и ее политических инструментов.

> «Глобальный диалог» на других 13 языках можно найти [на сайте MCA](#)
> Заявки отправлять по эл. почте: burawoy@berkeley.edu

Андре Бетей, один из самых известных социологов в Индии, рассуждает о запутанной связи между социологией и антропологией и о том, как социологам удерживать свою критическую автономию в публичном пространстве.

Джеклин Кок, феминистка, защитница окружающей среды и критический мыслитель, привлекает внимание к распространенности «медленного», разрушительного насилия в нынешней ЮАР – центральной и важной темы для социологического анализа.

В интервью, данном Сари Ханафи, ливийский социолог **Мустафа Аттир** рассказывает, как работали социологи при репрессивном режиме Каддафи и какие сложности стоят перед ливийской социологией сегодня.

> Редакционный совет

Редактор:

Майкл Буравой

Исполнительные редакторы:

Лола Бусуттил, Август Бага

Заместители редактора:

Маргарет Абрахам, Тина Уйс, Ракель Соса, Дженифер Платт, Роберт ван Крикен

Консультанты редакции:

Изабела Барлинска, Луи Шавель, Дилек Синдолу, Том Дуайер, Ян Фриц, Сари Ханафи, Хайме Хименес, Хабибул Хондкер, Симон Маладименг, Ишвар Модии, Никита Покровский, Эмма Порио, Йошимичи Сато, Винеета Синха, Беньямин Техерина, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова

Региональные редакторы

Арабский мир:

Сари Ханафи, Мунир Сайдани

Бразилия:

Густаво Танигути, Хулиана Тонче, Педро Манчини, Селия да Граса Аррибас, Андреса Гальи, Рената Баррето Претурлан, Россана Мериньо

Колумбия:

Мария Хосе Альварес Ривадулья, Себастьян Вильямисар Сантамария, Андрес Кастро Араухо

Индия:

Ишвар Модии, Раджив Гупта, Удай Сингх

Иран:

Рейханех Джавади, Шахрад Шахванд, Сагхар Бозорги, Фатемех Могхаддаси, Наджмех Тахери

Япония:

Кадзухиса Нишихара, Мари Шибя, Косукэ Химэно, Томохиро Такамаи, Ютака Ивадатэ, Кадзухиро Икэда, Ю Фукуда, Мичико Самбэ, Такако Сато, Сёхэй Огава, Томоюки Идэ, Юко Хотта, Юсуке Косака

Польша:

Миколай Мержеевский, Каролина Николаевска, Якуб Розенбаум, Михал Хельминьски, Кшиштоф Губаньски, Эмилия Худзиньска, Юлия Легат, Камил Липиньски, Адам Мюллер, Миколай Низиньски, Томаш Пёнтек, Анна Пекутовска, Анна Жезник, Конрад Семашко, Зофия Влодарчик

Румыния:

Косима Ругинис, Ияна Чинзьяна Сурду

Россия:

Елена Здравомыслова, Ася Воронкова, Анна Кадникова, Юлия Мартинавчене, Екатерина Москалева, Елена Никифорова.

Тайвань:

Чжин-Мао Хо

Турция:

Айтюл Касаполу, Нилай Чабук Кайя, Гюннур Эртонг, Йонджа Одабаш, Зейнеп Байкаль, Гизем Гюнер

Медиаконсультанты:

Анни Лин, Хосе Регера

Редактор-консультант:

Абигейл Эндрюс

> В этом выпуске

От редактора: В мире неравенства **2**

Предназначение социологии: прагматический взгляд
Андре Бетей, Индия **4**

Предназначение социологии: выявление *медленного насилия*
Джеклин Кок, ЮАР **6**

> ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Социология в Ливии во время диктатуры и после
Интервью с Мустафой Атиром **8**

Политический кризис в израильских университетах
by Feras Hammami, Sweden **11**

> РЕАКЦИЯ НА КРИЗИС В ПОРТУГАЛИИ

Театр угнетенных: форма публичной социологии?
Хосе Созэйру, Португалия **13**

Уязвимые, но несгибаемые
Дора Фонсека, Португалия **15**

Социология на зыбкой почве
Мария Луиза Кварезма, Португалия **17**

> ТАЙВАНЬСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Тройной поворот тайваньской социологии
Шин-Хуан Майкл Сяо, Тайвань **19**

Трудности социологии маленьких стран
Су-Чжэн Хуан, Тайвань **21**

> ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ЧИЛИ

Вопросы морали и личная свобода в Чили
Ориана Бернаскони, Чили **23**

Недостатки экологической политики в Чили
Александр Пельтини, Чили **24**

Мигранты заняли центр Сантьяго-де-Чили
Каролина Стефони, Чили **26**

> НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ

Интернационализация социологии
Элоиза Мартин, Бразилия **28**

Американская социология пришла в упадок?
Бронвен Лихтенстайн, США **30**

> КОНФЕРЕНЦИИ

Балканы вне балканизации
Светла Колева, Болгария **32**

Междисциплинарность
Кларенс М. Батан, Филиппины **34**

Социология и социальные трансформации
Лесли Лопес, Филиппины **36**

Глобальные движения, национальное недовольство
Бенджамин Техерина, Испания **37**

> СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОЛОНКИ

Участие молодежи в деятельности ООН
Джованни Родригес, США **38**

Фотоэссе: настоящие женщины народности бедик
Эрин Снайдер, США **39**

> Предназначение социологии: прагматический взгляд

Андре Бетей, Университет Дели, Индия

Андре Бетей в Индии называют мудрецом, и не просто так. Начиная со своей канонической монографии «Каста, класс и власть» (Caste, Class and Power), в которой веберовская социология применяется для антропологического исследования деревни, Бетей исследует практически все возможные проявления неравенства, а также погружается во множество общественных вопросов, связанных с неравенством. Бетей получил множество положительных отзывов и наград. Он занимал кресло председателя Индийского Совета по социальным исследованиям. Он отказался от участия в Комиссии по науке и образованию при офисе премьер-министра, поскольку она предложила увеличить кастовые ограничения. Андре Бетей – настоящий публичный социолог с чувством профессионального долга. Его статьи печатаются во всех ведущих газетах, и он открыто высказывается, когда общественное мнение или общественная политика идут вразрез с его социологическими знаниями.

Андре Бетей в Дели.

Принятие социологии как призвания требует от человека восприятия социологии как автономной интеллектуальной дисциплины. В то же время, если понимать социологию как призвание, а не только как карьеру, недостаточно фокусироваться только на техническом аппарате этой дисциплины, хотя он, безусловно, тоже важен и требует серьезного подхода. В основе социологии как интеллектуальной дисциплины лежит большое количество слабо связанных между собой понятий, методов и теорий, которые каждому практикующему социологу следует воспринимать как ценные ресурсы своей деятельности.

Социологию необходимо отличать от здравого смысла, который по своему охвату ограничен и использует множество непроверенных предположений при интерпретации и объяснении повседневных феноменов. Социология должна не противоречить здравому смыслу, но выйти за его пределы, чтобы получить более широкую

и глубокую картину функционирования общества. Предмет социологии гораздо труднее изолировать от суждений, основанных на здравом смысле, чем, скажем, предмет квантовой физики или молекулярной биологии. Опять же, если текущие события и льют воду на мельницу социолога, в своем отношении к этим событиям он качественно отличается от журналиста.

Социологию как интеллектуальную дисциплину можно рассмотреть с точки зрения следующих трех ее атрибутов: а) это эмпирическая наука, б) это системная наука, в) это сравнительная наука. Как эмпирическая наука, социология стремится поддерживать четкое разделение между оценочными суждениями и действительностью, то есть, видеть разницу между «должно быть» и «есть». Разумеется, исследование общества требует исследования его норм и ценностей, но социолог изучает нормы в аналитическом, а не предписывающем ключе. Далее, социолог стремится системно исследовать взаимосвязи между социальными

>>

процессами, не выдвигая предположений относительно того, гармоничны ли эти взаимосвязи в своей основе или их отношения противоречивы. Наконец, социология – это сравнительная наука, размещающая в одной плоскости наблюдений и исследований все человеческие общества, в том числе то, к которому принадлежит социолог.

Моя приверженность сравнительному методу сделала меня убежденным сторонником единства социологии и социальной антропологии. Большинство индийцев исследуют индийское общество и культуру, но Индия так велика, а ее население столь разнообразно, что можно изучать весь спектр социальных механизмов в рамках одной страны. Для Индии презумпция единства социологии и социальной антропологии является естественной тенденцией, в то время как на Западе стремятся разделить исследование «развитых» обществ – задачу социологии – и исследование дописьменных, племенных или крестьянских сообществ, для которого предназначена антропология.

Приверженность сравнительному методу также сделала меня скептиком по отношению к популярным в Индии взглядам, согласно которым Индия должна разработать локальную социологию, с тем чтобы освободиться от ограничений западных рамок исследования и анализа. Возможно, социологический подход имеет европейское и американское происхождение и это до сих пор сказывается на изучении других обществ.. Тем не менее, нет причины считать, социологическую теорию жестким и негибким каркасом, который не поддается изменениям. На самом деле социологическая перспектива постоянно изменяется, и я лично написал несколько теоретических работ на тему социального неравенства, и надеюсь, что их прочтут не только индийские, но и иностранные студенты.

За долгую карьеру обучения аспирантов в главном учебном заведении страны я, как и большинство моих индийских коллег, боролся с необходимостью согласования «социологической теории» с «социологией Индии». На теоретических курсах студенты изучают Маркса, Вебера, Дюркгейма, Парсонса, Мертона и так далее, а на курсах, посвященных индийской социологии, они изучают деревню, касты и расширенные семьи, и, разумеется, им сложно обнаружить связь между этими двумя учебными дисциплинами.

В ходе преподавания я разработал подход, основанный на том, что я называю «социологическим видением»

(‘sociological reasoning’). После разъяснения определяющих особенностей социологии как интеллектуальной дисциплины я перехожу к обсуждению различных конкретных тем. Часто я начинаю с политики и говорю о «политике как предмете социологии». В конце концов, политика интересует широкий круг людей. И я задаю вопрос о том, что же особенного социология привносит в понимание политики? Тот же вопрос можно задать по поводу религии. Религия привлекла к себе серьезное интеллектуальное внимание теологов и философов еще задолго до того, как социология стала интеллектуальной дисциплиной. Возникает вопрос: привнесла ли социология что-то новое в понимание религии? Мы можем переформулировать этот же вопрос, адресуя его проблематике семьи, родства, брака, множества других феноменов.

Идею социологического видения я использую как средство передачи опыта социологических исследований широкой аудитории. Социолог, с моей точки зрения, должен писать для того, чтобы оставаться социологом по профессии, но не только для этого. Он также обязан обращаться к широкой аудитории. Поэтому в дополнении к публикации статей в профессиональных журналах я также напечатал несколько редакционных статей в ведущих ежедневных газетах Индии, таких как «The Times of India», «The Hindu» и «The Telegraph». Но хотя я время от времени печатаюсь в этих изданиях, я стараюсь писать не как журналист, чья задача — комментировать происходящие события день за днем, а как социолог. Я стараюсь интерпретировать происходящее с более крупной историко-социологической точки зрения.

Я всегда видел себя социологом, а не моралистом. Как социолог я заинтересован в сравнительном исследовании неравенства. Широко известно, что неравенство – глубоко укорененная и всепроникающая характеристика индийского общества. Образованные индийцы любят читать мораль о вреде неравенства и пользе равенства, но нельзя взять и уничтожить неравенство, просто подвергая его публичному осуждению. Я посвятил огромное количество времени, чтобы понять различные формы и разновидности неравенства и изучить социальные тренды, их изменяющие, трансформирующие, ослабляющие или усиливающие. Я всегда старался держаться прагматичного взгляда на равенство и неравенство, в противоположность утопичным или фаталистическим взглядам, которые, в конце концов, оказываются двумя сторонами одной медали. ■

> Предназначение СОЦИОЛОГИИ: выявление *медленного насилия*

Джеклин Кок, Витватерсрандский университет, Йоханнесбург, ЮАР

Нет социолога более живо заинтересованного в предмете, чем **Джеки Кок**. Пионер южноафриканской социологии, она постоянно и непрерывно занимается исследованием связи между насилием и неравенством: это отражается в ее работах, начиная с классики «Служанки и барыни», феминистского анализа домашнего труда, и заканчивая вопросами гендера и войны в «Полковниках и кадрах» и разоблачением экологической несправедливости в «Войне против самих себя». Джеклин Кок выбирает социологию в качестве инструмента для демонстрации основных областей жизни, в которых проявляется несправедливость в наше время, как в ЮАР, так и за ее пределами.

| Джеклин Кок ведет семинар в Витерсрандском университете, ЮАР.

Социальные структуры и глубинные процессы, формирующие наш опыт, часто скрыты или затуманены конвенциональными представлениями, интересами власти и официальными объяснениями. Один из самых опасных мифов – понимание насилия как события, происходящего одновременно (временная характеристика) и обладающего взрывным характером (пространственная характеристика). Однако немалый процент разрушения человеческого потенциала принимает форму «медленного насилия», происходящего в течение длительного времени. Медленное насилие коварно, не носит драматического характера и относительно невидимо. Под медленным насилием я подразумеваю то, что Роб Никсон называет «долгим умиранием», насилие, которое осуществляется исподволь и вне поля зрения. Это насилие замедленного действия, рассредоточенное во времени и пространстве, изнуряющее насилие, которое обычно вообще как насилие не

рассматривается. И загрязнение окружающей среды, и недоедание являются формами медленного насилия. Оба процесса относительно неочевидны, но наносят человеку серьезный вред, со временем только больше разрушающий его жизнь.

Тематика пищи находится на стыке многих проблем: неравенства, климатических изменений, глобализации, голода, товарной спекуляции, урбанизации и здоровья. Проблемы питания, как правило, не ассоциируются с насилием, за исключением случаев бунта и общественных протестов 2008 года, которые прошли примерно в тридцати городах по всему миру в ответ на разительный подъем цен. Однако недоедание включает в себя медленное насилие, так как его разрушающее воздействие на человеческое тело часто является неявным и со временем может вызвать деградацию способностей и потенциала человека. Это становится очевидным на примере того, что на планете миллиард людей голодает или что в современной ЮАР каждый

>>

четвертый ребенок в возрасте до шести лет имеет признаки отставания в развитии (физическом или интеллектуальном) в связи с недостатком питания

Широта и описательный характер понятия «рисков, связанных с питанием» скрывает разницу между голодом и недоеданием. На ум приходят публикуемые в традиционных СМИ фотографии людей-скелетов, истощенных от голода и жажды жертв засухи в Сомали. Но риски, связанные с питанием, – понятие гораздо более неуловимое. Они могут быть скрыты под слоями одежды или даже жира. Именно так: недоедание может часто быть причиной лишнего веса среди бедных городских жителей, ведь те потребляют дешевую еду, где много калорий, но мало витаминов и минералов. Такое недоедание не очевидно.

Загрязнение окружающей среды, особенно выбросы углекислого газа, приводящие к климатическим изменениям, растет и ведет к разрушительным последствиям. В первую очередь они затрагивают бедные и уязвимые слои населения Южной Африки. Большая часть этих последствий принимает форму «медленного насилия», протяженного по времени, коварного и относительно незаметного. Даже долговременные последствия (и официальное признание) бхопальской и чернобыльской экологических катастроф проявились не сразу.

Недалеко от Йоханнесбурга, в области, известной как «Стальная долина», находится сталелитейный завод. Загрязнение, осуществляемое этим заводом, малозаметно, неочевидно и практически незримо. Однако долгосрочные последствия загрязнения среды – «медленного насилия» – получили широкое распространение: шлаки въелись в ландшафт Стальной Долины, попали в воздух и подземные воды, а во многих случаях стали причиной внутренних нарушений: генетических дефектов, рака, почечной недостаточности – у животных и людей, живущих в этом районе.

По большей части, загрязнение, которое захватывает как реки, так и человеческие тела, скрыто от непосредственного чувственного восприятия или затруднено для понимания. Оно действует «за кадром», а уровень нашего восприятия и понимания проблемы зависит от процесса, который Ульрих Бек называет «социальным признанием». Этот процесс находится в компетенции социологии, особенно в тех случаях, когда угроза для человеческой жизни намеренно или ненамеренно скрывается от населения – как в случае со Стальной долиной. Руководство сталелитейного завода, совместно с безразличными или некомпетентными государственными чиновниками, прибегли к обману и отрицанию, чтобы избежать ответственности за нанесенный ущерб.

Однако потенциал социологии к человеческой эмансипации не ограничивается выявлением причиненного вреда, она способна объяснить причины произошедшего. Оба приведенных примера «медленного насилия» имеют социальные причины и социальные последствия. В случае с загрязнением окружающей среды мы имеем дело с экологическими издержками деятельности мощной корпорации. В случае с недоеданием мы обнаруживаем, как система, ориентированная на прибыль, а не на человеческие нужды поддерживает разрушительный для человеческого здоровья режим питания.

Медленное насилие – классово-специфическое понятие. Именно бедные больше всего страдают от медленного насилия, которое принимает формы недоедания и экологического загрязнения. Часто они борются в одиночку как атомизированные индивиды. Однако Ч. Райт Миллс показал, что индивидуальный опыт формируется более широкими социальными процессами. «Социологическое воображение» предполагает, что социологи взаимодействуют с «обычными людьми» (sic) в реальном мире (и, добавлю я, эти люди обладают базовыми потребностями, такими как здоровая пища и чистая вода).

Майкл Буравой рассматривает взаимодействие социологов и «простых людей», опираясь на два аналитических инструмента: «метод развернутого случая» и «публичную социологию». Первый представляет собой уважительный, чуткий и полный рефлексии диалог между исследователями и «исследуемыми». Социологи должны стремиться расширить свой опыт, погружаясь в жизни тех, кого они исследуют. Они должны проводить длительное время в домах, в шахтах, на заводах. Именно с этой позиции, снизу, социальные процессы можно вытащить на поверхность и тщательно проанализировать. Подобным же образом «органическая публичная социология» «делает невидимое видимым» и работает в тесной связке с «видимой, плотной, активной и часто несогласной аудиторией». Это подразумевает упор на совместное исследование и отрицание призыва Ч. Райт Миллса «защищать превосходство индивидуального ученого». Напротив, в наше сильно индивидуализированное неолиберальное время социологи должны быть солидарны с бедными и угнетенными.

Придерживаясь этой линии, социология сможет укрепить общественные движения и мобилизовать коллективное действие вокруг таких проблем, как «пищевая власть» и «экологическая справедливость». Социология способна активизировать движения, заинтересованные в социальной справедливости, бросающие вызов корпоративной власти и требующие альтернативных социальных решений, которые бы способствовали человеческой эмансипации. ■

> Социология в Ливии во время диктатуры и после: интервью с Мустафой Аттиром

Доктор Мустафа Аттир, ливийский социолог, переживший режим Каддафи.

Доктор Мустафа О. Аттир является профессором социологии Университета Триполи, руководителем Центра исследования устойчивого развития и, в прошлом, президентом Арабской социологической ассоциации. Он является автором множества книг и статей о влиянии модернизации и нефти на ливийское общество. С ним беседует Сари Ханафи, профессор социологии Американского университета в Бейруте, член Исполкома МСА, 2010-2014 гг.

СХ: Не могли бы Вы рассказать о своей академической карьере в Ливии?

МА: Я получил диплом бакалавра в Школе свободных наук (Университет Ливии) по специализации “Социология”. В 1962 от университета я был направлен в США, где получил степень магистра в Университете Питтсбурга, а потом и докторскую степень в Университете Миннесоты в 1971. После я вернулся в Ливию, где с тех пор и преподаю, занимая также различные должности в университете, включая пост декана Школы свободных наук, директора университетского исследовательского центра и Президента университета.

СХ: Я принимала участие в семинаре, организованном Центром изучения арабского единства. Некоторые представители левых и националисты критиковали интервенцию НАТО в Ливию, в то время как ливийские участники ее единодушно поддерживали. Какова Ваша позиция по этому вопросу?

МА: Арабская весна началась в Ливии 17 февраля 2011 с мирной демонстрации в восточной части Бенгази. Режим яростно отреагировал, применив все типы военной техники. Однако чрезвычайные меры против вооруженных участников протеста не остановили коллективных акций, распространившиеся по всей стране. Практически ни один город не остался в стороне; движение стало подобно народному бунту. Спустя некоторое время режиму удалось восстановить контроль над определенными частями страны, включая столицу,

>>

хотя весь восток, а также часть западных и южных регионов остались в руках повстанцев. Вскоре страна погрузилась в состояние, близкое к гражданской войне, хотя военная техника повстанцев ни в коей степени не могла сравниться с огневой мощью охранных батальонов Каддафи, применявших тяжелую технику, в том числе бронетехнику, ВВС и артиллерийские системы, а также иностранных наемников. Современные медиа позволили всему остальному миру увидеть всю жестокость и разрушительность батальонов Каддафи в отношении гражданских лиц. Вскоре Совет безопасности ООН принял резолюцию, позволяющую странам-членам создать и укреплять над Ливией зону, закрытую для военной авиации, а также применять "все необходимые средства" для предотвращения нападения на мирное население. Все это привело к интервенции НАТО, ограничившейся атаками с воздуха и моря, в то время как борьба на суше была оставлена вооруженным повстанцам. Наконец через 246 дней война закончилась. Каддафи был непреклонен и безжалостен, и если бы не иностранная интервенция, страна и люди были бы уничтожены.

СХ: *Каким образом социолог, коим Вы являетесь, может создавать знание о своем обществе в условия диктатуры? И какого рода может быть это знание?*

МА: Было очень нелегко преподавать социологию в Ливии, быть независимым и уберечь содержание курсов от влияния идеологии. Получив образование в американских университетах, я широко использовал эмпирические исследования и количественные техники. В социологии меня наиболее интересовали понятия модернизации и социального изменения. Эта область была актуальна для ливийского общества, как и для всего остального арабского мира. Население Ливии невелико и разделено на кланы, тесно связанные друг с другом. Так как в деньгах не было недостатка и будучи первым ливийским социологом с докторской степенью, я не испытывал проблем в доступе к высшим лицам государства и получении необходимых сумм на исследования любой интересовавшей меня проблематики.

Во избежание неприятностей я не касался двух областей - религии и политики. Однако мне удалось провести исследование среди заключенных, и по крайней мере в двух случаях выборка производилась среди тех, кто оказался в тюрьме из-за связи с Братьями Мусульманами и движением, известным под именем Афганские арабы. Несмотря на то, что финансирование исходило из госструктур, не было необходимости реализовывать рекомендации на практике, так как связь между исследованием и принятием решений была чрезвычайно слабой.

СХ: *Стремилась ли ливийские университеты избавиться от тех интеллектуалов, кто был близок к авторитарной верхушке Каддафи?*

МА: Профессоров в ливийских университетах можно

разделить на две основные категории. К первой категории относятся те, кто получил высшее образование до военного переворота Каддафи 1969 г.. Они получили средства на стажировки за границей за выдающиеся успехи в учебе и в большинстве своем учились в западных университетах (американских, британских, немецких и французских). Все они преданы своей профессии и делают все возможное, служа своей специальности и студентам. Другие стали студентами в то время, когда Каддафи начал развивать свою собственную идеологию, позднее сформулированную в его Зеленой Книге. В те времена в Ливии не было политических партий, но некоторые студенты университетов соотносили себя с различными политическими течениями в регионе. Каддафи, однако, решил, что все граждане, и в особенности студенты, должны следовать его новой идеологии - и многие действительно стали ее сторонниками. В 1976 г. он приказал тем студентам, которые верили в его идеологию, очистить кампусы университетов от так называемых студентов-реакционеров. Сразу же повсеместно начались стычки, в результате которых многие были ранены или арестованы, других принудили покинуть университет. На следующий год он начал организовывать своих последователей в революционные комитеты, члены которых должны были заучивать высказывания Каддафи, во всем следовать за ним и выполнять все, что бы он им не приказал - вплоть до публичного повешения студентов на территории кампуса.

Согласно правилам университета, только студенты, окончившие курс с отличием, могли отправиться за рубеж для продолжения образования. Но с конца 1970-х студенты, бывшие лидерами революционных комитетов, также вознаграждались возможностью обучения за границей. Большинство из них не стремились к успехам в учебе и, соответственно, не были достаточно квалифицированы, чтобы поступить в хорошие университеты, - и в результате получили дипломы второразрядных университетов в Восточной Европе и арабских странах. По возвращении они заняли преподавательские позиции для распространения идеологии Каддафи среди студентов и более широкой аудитории. Соответственно, когда ливийские университеты снова открылись после войны, некоторые из таких преподавателей покинули университет по собственной инициативе. Другим приказали уволиться, но кому-то все же удалось удержаться на преподавательских постах благодаря связям с высокопоставленными чиновниками нового режима. Семейные и клановые отношения зачастую оказываются приоритетными по отношению к законам и постановлениям. Так было, так есть и так будет еще долгое время.

СХ: *Сыграли ли интеллектуалы какую-то роль в ливийской революции?*

МА: То, что происходило в Ливии и других арабских странах, было восстанием, которое могло перерасти в революцию, а могло и не перерасти. Интеллектуалы были

>>

застигнуты врасплох. Первоначально все начиналось как движение молодежи, использующей современные информационные технологии. Однако дата 17 февраля была запланирована еще до восстания в Тунисе - это была дата массового убийства, произошедшего в Бенгази в 2006. До 2011 года случались небольшие демонстрации, но их было немного и они быстро разгонялись сотрудниками служб безопасности. Планируя протест 2011 года, молодежь обменивалась идеями и стратегиями через фейсбук. Режиму было прекрасно известно об этом, и он был подготовлен к протесту в любой форме. События в Тунисе и Египте вдохновили людей на участие в ливийском восстании. Хотя все началось в Бенгази, многие в Триполи и других городах также готовились к выступлениям. Та жестокость, которую режим применил по отношению к мирной демонстрации, спровоцировала цепную реакцию по всей стране. Постепенно к восстанию присоединялись и люди постарше из всех слоев общества, включая и интеллектуалов. Так как режим пережил множество попыток военного переворота и все типы международного давления, многие ливийские интеллектуалы осознали, что единственный путь политического развития - через действия внутри самого режима.

СХ: Как социологу - каким Вам видится будущее Ливии?

МА: Призывы, распространившиеся в ходе восстания, сосредотачивались на устранении Каддафи, смене режима и создании демократической политической системы. Однако не стоит забывать, что большая часть населения Ливии - за исключением 12% - родилась и выросла во времена правления Каддафи. Это означает, что большинству ливийцев активного возраста внушали идею о ливийской политической системе как лучшей в мире, а ливийской демократии - без политических партий, выборов и народных представителей - как единственно верной. Все медиа были государственными и пропагандировали идеи Каддафи. Целью было подчинить всех ливийцев одной идеологии. Ливийским революционерам удалось

изменить систему и избавиться от Каддафи, но я не думаю, что им хватит квалификаций для создания демократии. Временное правительство с сотнями газет, десятками телевизионных каналов и бесчисленным количеством политических партий провели честные выборы, но протестанты не сложили оружия. Соответственно, осталось более тысячи независимо действующих вооруженных групп, готовых на все по приказу своего лидера: от контроля над своим регионом и установления контрольно-пропускных пунктов до произведения арестов, допросов и заключения людей в частные тюрьмы. Кроме того, в стране действует ряд экстремистских религиозных групп, стремящихся навязать другим свои частные религиозные интерпретации. Пока такие группы действуют вне закона, установление демократии - лишь желаемая возможность.

СХ: Какова миссия социологии в послереволюционной Ливии:

МА: Сегодня стало возможным проводить исследование на темы, табуированные во времена Каддафи. Существуют огромные массивы эмпирических данных, которые можно проанализировать повторно для разработки новых теоретических моделей - с включением переменных, отражающих природу просуществовавшей 42 года политической системы. В то же время Арабская Весна предоставила новые области и направления исследований, объектом которых могут стать социальные силы, определяющие будущее ливийского общества: разнообразные медийные инструменты, новые политические игроки, международные силы, исламистские группировки и экспатриаты. Задача социологии - проанализировать, каким образом все эти разнообразные и конфликтующие авторы в будущем определяют ливийскую реальность. Я не сомневаюсь, что у ливийских социологов в ближайшее время будет очень много работы. ■

> Политический кризис в израильских вузах

Ферас Хаммами, Королевский технологический институт, Стокгольм, Швеция

Израильское государство контролирует обучение и программы курсов своих университетов.

Сотрудники нескольких израильских университетов недавно подписали петицию против предложения Комитета по оценке качества Совета по высшему образованию (СНЕ) Израиля запретить в 2013-2014 учебном году прием студентов на факультет политики и управления Университета им. Бен-Гуриона (УБГ). Петиция была инициирована профессором Гиладом Хараном из Вейцмановского института науки, заявившим, что «академическая свобода системы высшего образования Израиля находится в серьезной опасности». Хотя петиция была подписана в сентябре 2012 г., израильское государство еще с момента оформления Израиля как Еврейского государства в 1948 году подвергает цензуре свободу слова и самовыражения в университетах. С этой датой также связана Накба – палестинская катастрофа: утрата исторической Палестины, этнические чистки, перемещения, смерть родных и близких, потеря

собственности и массовые убийства, совершенные боевиками-сионистами (впоследствии государством Израиль) до и после 1948 года. Более чем 27 израильских университетов постоянно поддерживают политику апартеида Израиля через непосредственное участие в политической и военной деятельности (Never, 2009).

> Подавление политического инакомыслия в израильских университетах

Правое правительство Биньямина Нетаньяху санкционировало ряд репрессивных мер, по сдерживанию критики внутренней политики страны со стороны правозащитных групп, СМИ и судебной власти (Cook, 2012: 22). Еврейские студенты и профессорско-преподавательский состав контролируют академическую среду, подобно сторожевым псам наблюдая за курсами профессоров – «диссидентов». Чтобы избежать публичного поношения, потери работы, тюремного заключения и даже

смерти, преподаватели вынуждены фильтровать информацию, отделяя потенциально провокационную для властей. Профессору Ариелле Азулай из Университета им. Бар-Илана отказали в постоянной позиции из-за его политических взглядов. Когда профессор Нив Гордон (БГУ) объявил о своей поддержке бойкота израильских университетов в 2009 году, внепарламентская группа Има Тиртцу обратилась к университету с призывом уволить профессора и «положить конец антиссионистским движениям» (Haaretz, 9/30 / 2012). Министр образования Гидеон Саар также подверг критике факультет политики и управления Университета Бен-Гуриона (БГУ) за его «постсионистский уклон». Профессор Илан Паппе, поддержавший академический бойкот Израиля, был сам бойкотирован в Университете Хайфы. Получив несколько смертельных угроз и осуждение Кнессета, он в 2008 г. перешел на работу в Эксетерский университет.

Низар Хасан, режиссер нескольких фильмов-призеров, получил порицание

от парламентского Комитета по образованию за критику еврейского студента, явившегося на занятия в Академический колледж им. П. Сапира в Негеве в военной форме (Cook, 2008). В то же время просьба еврейского преподавателя того же колледжа к студентке-бедуинке снять чадру не вызвала никакой реакции властей. Со времени второй интифады 2000 года израильская полиция и спецслужбы усилили аресты и преследования израильско-палестинских студентов в израильских университетах. Так, Юсеф, студент из Университета им. Бен-Гуриона, лишился жизни из-за политической деятельности в арабском студенческом комитете студгородка (Gordon, 2006: 194-5).

> Содействие военной оккупации

Израильские университеты поддерживают военные исследования и подготовку кадров через тесное сотрудничество с компаниями-производителями оружия, такими как Elbit и Rafael. Эти компании обеспечивают систему мониторинга Израильской стены апартеида, 760-километрового бетонного барьера, вторгающегося в оккупированный Западный берег и позволяющего Израилю аннексировать еще больше палестинских земель. Израильский Технологический Институт финансируется за счет Elbit для продвижения робототехнических систем оружия, в частности, воздушных беспилотных технологий, участвующих в нападении Израиля на Сектор Газа в 2008-2009 годах. Они также предоставляют специальную помощь студентам, которые принимали участие в боевых действиях. Согласно Хеверу (2009), Хаим Руссо, менеджер El-Op - филиала Elbit, является членом Исполнительного совета Института, а президент Elbit Systems получил почетную докторскую степень.

Несколько израильских университетов построены на руинах палестинских деревень и городов, разрушенных в 1948 и 1967 годах. Тель-Авивский университет никогда не признает тот факт, что он был построен на руинах разрушенной палестинской деревни Шейха Муваниса, жители которой были выселены и сосланы. Другие университеты, такие как Университетский центр Самарии в Ариэле, построены на территории незаконно созданных поселений под

юрисдикцией международного права на Западном берегу. Хотя Ариэльский университет и его сотрудники были бойкотированы в Израиле и за рубежом, министр образования одобрил решение о предоставлении учреждению полноценного статуса университета.

Эти примеры подтверждают то, что закрытие факультета политики и управления в Университете им. Бен-Гуриона происходит не без политической подоплеки. Как заявила президент УБГ профессор Ривка Карми в своем обращении к президентам израильских исследовательских университетов: "Существует множество внутренних и внешних угроз израильским академическим институтам [...] Это не частная битва Университета им. Бен-Гуриона, но борьба всех Израильских академических институтов [...] Ратификация нынешнего решения Министерства высшего образования выглядит как подъем черного флага над независимостью израильских ученых". Профессор Таня Рейнхарт из Тель-Авивского университета говорит, что "в истории не было случая, когда бы Совет израильского университета принял резолюцию протеста против систематического закрытия палестинских университетов. [...] В экстремальных ситуациях нарушения прав человека и нравственных принципов научные круги отказываются критиковать и [...] сотрудничают с угнетающей системой" (Reinhart, 2004). То же самое касается сторонников Израиля за рубежом; ни один из 450 президентов американских колледжей, осудивших призыв к бойкоту, не выразили протест против уничтожения Исламского университета в Газе (Gordon, Halper, 2008).

В ответ на нарушения прав человека внутри и за пределами израильских университетов, неравнодушные ученые всего мира требуют, чтобы их университеты следовали этическим принципам, закрепленным в их конституциях. Среди прочих, Британский комитет университетов Палестины, шведская "Группа действия при Королевском Технологическом Институте за бойкот Израиля", сотрудники ассоциации Университета Макгилл, и Студенческий союз Беркли потребовали, чтобы их университеты разорвали отношения с университетами, замешанными

в политике апартеида в Израиле. Университет Йоханнесбурга стал первым вузом, прекратившим сотрудничество с Университетом им. Бен-Гуриона. На европейском уровне 260 ученых из двадцати различных стран призвали Европейскую комиссию исключить из программы ЕС израильские компании, участвующие в нарушении прав человека в отношении палестинцев.

Кампания бойкота часто рассматривается как нарушение свободного диалога и достижений академической свободы. Тем не менее, последние 70 лет диалога с израильскими властями не способствовали «мирному» ходу процесса и не обязали Израиль соблюдать резолюции ООН или принципы международного права. Однако, примеры режима апартеида Южной Африки показывают, что международные призывы к академической свободе могут быть эффективными. Такие призывы могут раскрыть политику апартеида израильского правительства, бросить вызов системе наблюдения, контролирующей свободу слова в университетах, и спасти израильские университеты, вытащив их из текущего политического и, фактически, этического кризиса.

Ссылки

Cook, J. (2012) "The full story behind the war against free speech in Israel's universities." *The Electronic Intifada*. Accessed on 10/27/2012 from <http://electronicintifada.net/content/full-story-behind-war-against-free-speech-israels-universities/11783>

Cook, J. (2008) "Academic Freedom? Not for Arabs in Israel." *CounterPunch*. Accessed on 8/11/2012 from <http://www.counterpunch.org/.../academic-freedom-not-for-arabs-in-israel/>

Eqeiq, A. (2012) "Epilogue." *Omrin Yeshna Eretz - Hekayat Balad (Once upon a Land) / A Tour Guide*. Sedek. Zochrot: Tel-Aviv.

Gordon, N. and Halper, J. (2008) "Where's the academic outrage over the bombing of a university in Gaza?" *CounterPunch* from <http://www.counterpunch.org/2008/12/31/where-s-the-academic-outrage-over-the-bombing-of-a-university-in-gaza/>

Hever, S. (2009) "The Economy of the Occupation - A Socioeconomic Bulletin." Jerusalem: The Alternative Information Center. Accessed on 05/02/2010 from http://usacbi.files.wordpress.com/2009/11/economy_of_the_occupation_23-24.pdf

Reinhart, T. (2004) "Academic Boycott: In Support of Paris VI." *The Electronic Intifada*.

> Театр

угнетенных: форма публичной социологии?

Хосе Созйру, Университет Коимбры, Португалия

Проект "Estudantes por Empréstimo" (Студенты для кредитов) организует форум-театр в мае 2010 года в Зале Сената португальского парламента. Около 200 студентов со всей страны приехали, чтобы разыграть возможные решения (юридические и не только) своих проблем под наблюдением португальского короля Луиша I. Фотография Карлы Луиш.

Мы находимся в самом разгаре работы Конгресса Португальской социологической ассоциации, проходившего в Порто в июне 2012 года, организовываем «форум-театр» – представляем пьесу *Estudantes por Empréstimo* («Студенты для кредитов», по аналогии с «кредитами для студентов», <http://estudantesporemprestimo.wordpress.com/>). Пьеса рассказывает историю студентки, не имеющей стипендии, которая была вынуждена взять кредит в банке, чтобы продолжать обучение. Эта пьеса – проект театра Theater of the Oppressed («Театр угнетенных»). Спектаклю уже больше двух лет, он исполнялся в десятках университетов и колледжей в разных уголках Португалии, и в нем принимали участие тысячи студентов. Он превращался в били и петиции,

им вдохновлялись дебаты и прямые протестные действия. Пьеса «Студенты для кредитов» рассказывает о цене образования и делает акцент на неравных возможностях доступа к высшему образованию, сокращении бюджетного финансирования и распространении студенческих банковских займов, подчиняющих будущее молодых людей финансовой системе.

После просмотра спектакля, его осмысления, смеха и самоидентификации с героями аудитории предлагается обсудить, что происходило на сцене, что было отражено в сюжете и каково происхождение проблемы. Затем специальный актер—джокер—приглашает зрителей на сцену, и они репетируют возможные решения проблемы, отраженной в спектакле: смогли бы они

поступить иначе в сложившейся ситуации? Некоторые зрители принимают вызов, и открывается форум.

> На стыке «Театра угнетенных» и социологии

«Форум-театр» – самая распространенная форма «Театра угнетенных» (ТУ). Этот театральнополитический метод изобретен бразильцем Аугусту Боалем и используется в социальной, политической и образовательной работе во многих странах. Несколько португальских сообществ пользуются этим методом, чтобы разбираться в трудных ситуациях и репетировать варианты изменений, которые они хотели бы предпринять. Отправная точка метода – радикальная демократическая гипотеза: театр – это «способность, присущая лишь людям, не животным, наблюдать себя в действии», и поэтому «все могут принимать участие в театре, даже актеры!» С помощью театра мы представляем реальность в другом, эстетическом, пространстве, и таким образом мы превращаемся в агентов, принимающих решения в создаваемой реальности. Одновременно мы получаем привилегию быть зрителями.

Боаль придумал термин «зрители-актеры» (spect-actors). Им предлагается сломать преграду между сценой и залом, наблюдателями (публикой) и тем, кто обладает монополией на действие (актерами). Привычное разделение труда, дающее меньшинству монополию на мысль, действие или право слова, здесь подвергается сомнению как на уровне спектакля, так и за его пределами. Никто не привязан

>>

к своей социальной роли: возможность исполнять другие роли – доказательство того, что эмансипация реальна.

Было ли случайностью то, что форум-театр стал частью социологического конгресса? Или же, напротив, он сам является формой социологических дебатов и интервенции? Каковы отношения между ТУ и публичной социологией? Чему могут они научиться друг у друга и с какими трудностями сталкивается этот диалог?

И социологическое, и театральное ремесла в каком-то смысле представляют собой символическое воспроизводство реальности и воссоздание категорий репрезентации и понимания. Оба эти занятия входят в противоречие с другими акторами: другими дисциплинами, политиками, СМИ, которые предлагают конкурирующие способы репрезентации социального мира. Спектакль форум-театра – нарратив о реальности, ее интерпретация. Форум-театр, как правило, превращает различные сцены пьесы в рамки взаимодействия. Одна из драматургических задач ТУ – сделать очевидными структурные элементы, присутствующие в том, что Ирвинг Гофман называет «порядком взаимодействия». Именно здесь уместно обращение к социологии.

Социология располагает значимым аппаратом для концептуального описания элементов, которые не сразу могут быть идентифицированы в каждой конкретной ситуации, так как они находятся за ее пределами. Социологические концепции определенно полезны для демонстрации в театральных сценах системных свойств социальных ситуаций, структур, которые часто остаются невидимыми. А на другом уровне социология обладает знаниями о том, как социальные отношения воплощаются в практиках и установках, а также что роли являются одним из средств олицетворения социального мира. Социология может заставить театр принять во внимание то, как роли, идентичности, формы действия, телесные навыки структурируются социальными отношениями власти. Наконец, не

в последнюю очередь, социология может взглянуть на персональные истории и нарративы не в контексте их уникальности, но с точки зрения отношений, которые они выражают. То, что в ТУ называется «аскетизмом», процесс, с помощью которого мы плюрализируем индивидуальные нарративы и переходим «от феномена к закону», является базовой операцией социологического рассуждения.

> Театр – инструмент или вызов публичной социологии?

ТУ может стать мощным инструментом публичной социологии. Будучи более целостным человеческим языком, театр может погрузить каждую дискуссию в сложный контекст, включающий комплексные механизмы, показать, как социальное воплощается в теле и в пространстве. Театр непосредственным образом привязывает дискуссию к опыту, к тому, что Пьер Бурдьё называл «практическим смыслом». Таким образом театр избегает абстрактного кода, часто используемого в качестве средства обезличивания, особенно теми, кто не имеет отношение к социологическому полю. Форум-театр располагается в промежуточном пространстве между тем, что существует и чего еще не существует (и может быть воспроизведено зрителями-актерами), и он предлагает нам рассмотреть социальную реальность с критической точки зрения, помыслить ее как лишь одну возможность из множества других. В таком театре угнетенные обладают потенциалом подчинения и бунта; каждое тело является одновременно локусом доминирования и освобождения; каждая репетиция – одновременно акт воспроизводства и возможность девиации.

Наконец, ТУ – это интерактивный театр. Он может быть, как сказал Брехт, одновременно «поучительным и развлекательным» и позволяет публичной социологии завоевать более широкую аудиторию. Для тех, кто не сразу захочет участвовать в социологической дискуссии или политических дебатах, приглашение посмотреть спектакль будет более привлекательным, чем предложение

участвовать в формальных дебатах или семинаре. По крайней мере, это то, что мы наблюдали при презентации проекта «Студенты для кредитов»: на спектакль всегда приходило больше людей, чем на «информационные сессии», посвященные стипендиям и ситуации с высшим образованием. Театр не был ни декоративным, ни иллюстративным, но он привлек молодых людей, которых не мотивировали другие формы дебатов. Разумеется, когда мы говорим о «Театре угнетенных» как инструменте публичной социологии, не все так гладко, как кажется. Деспециализация лежит в самой основе ТУ. Можно ли его сравнить с социологией, даже если помыслить ее как «коммуникативное знание, которым обмениваются социологи и их аудитории», по описанию Буравого? Если под публичной социологией подразумевать что-то большее, чем способ демонстрации (в публичном пространстве) релевантных результатов работы «профессиональной социологии» и сложных вопросов «критической социологии», как ей быть с тем, что Жак Рансьер назвал «перманентным скандалом» демократии, т. е. с объявления равенства не целью, но исходной предпосылкой? Другими словами, каким образом публичная социология должна признавать статусные различия между мышлением социолога и здравым смыслом – и в то же самое время принимать демократическую предпосылку (очень явную в проектах ТУ), гласящую, что у всех нас есть одинаковое право говорить о социальном мире? Может ли публичная социология отказаться от идеи социолога-просветителя, несущего своим подопечным свет науки, и сделать рискованный шаг в сторону коллективного конструирования знаний в публичном пространстве, основанного на договоренности? Боавентура де Суса Сантуш предполагает, что этот вариант конструирования близок к тому, чтобы стать новым здравым смыслом. Может ли это произойти, если социологи не откажутся от научного этикета и требований социологической дисциплины? По крайней мере, стоит попробовать. ■

¹ Boal, A. (2002) *Games for Actors and Non-Actors*. London: Routledge.

> Уязвимые, но нестигаемые: новое социальное движение в Португалии

Дора Фонсека, Университет Коимбры, Португалия

Протестная акция “Несгибаемого пролетариата”. На транспаранте написано: “Лишь борьбой можно победить прекаритет, жесткая экономия - не выход”.

Усугубляющийся кризис в еврозоне повлек за собой реакции со стороны как правительств, так и гражданского общества. Гражданское общество продемонстрировало поразительную способность производить новых коллективных акторов, чьи действия направлены на устранение негативных последствий глобализации и неоллиберальной политики. За последние несколько лет демократия как таковая неоднократно подвергалась сомнению, и на передний план выходили тесно связанные с ней вопросы, в частности вопрос об уязвимости работающих. Расформирование государства благосостояния и переопределение его целей стали предметом общего интереса, способствующим возникновению новых и трансформации существующих

коллективных акторов.

> “Несгибаемые уязвимые” (несгибаемый прекариат)

«Несгибаемые уязвимые» (НУ), или, по-португальски, “Precários Inflexíveis”, является одним из таких акторов. Движение возникло в Лиссабоне в 2007 году с целью продолжения мобилизации, начавшейся во время парада 1 мая. «Несгибаемые уязвимые» как коллективный актор заняли пустующую нишу, в поле социальных движений: их основная тема – уязвимость работающих и ее социальные последствия. НУ начинались как небольшая группа под названием FERVE, выступавшая против неверного употребления статуса «независимого работника». FERVE расшифровывается

как *fartos d'estes recibos verdes* – «сыты по горло этими зелеными квитанциями». «Зеленые квитанции» – это отсылка к статусу «независимых работников», не состоящих с нанимателем в формальных отношениях субординации. С юридической точки зрения эти работники – сами себе начальство и, таким образом, сами несут ответственность за свое социальное обеспечение и другие бонусы. В реальности же они – наемные работники, подчиненные своему нанимателю и не имеющие доступа к социальным льготам, на которые они имеют право. НУ, выросшие из движения FERVE, занимаются не только «зелеными квитанциями», но и другими формами ненадежного трудоустройства.

Создание и развитие НУ происходили согласно описанным Сиднеем Тэрроу

>>

основным процессам мобилизации: во-первых, поддержка коллективного недовольства, во-вторых, привлечение социальных сетей, и в-третьих, выстраивание на основе связующих структур и коллективных идентичностей чувства солидарности, лежащего в основе совместного действия. Особенно значима в этом случае подготовка общих требований. Она заключалась в осуждении феномена уязвимости работающих вопреки распространенным попыткам преподнести непрочные контрактные отношения как освобождающие, менее ригидные и, таким образом, более согласующиеся с индивидуальным жизненным проектом или профессиональной карьерой работающего. НУ следуют тенденции, которая характерна для автономных организаций, не похожих на традиционные политические партии или профсоюзы.

НУ имеет те же характеристики, что традиционно приписываются новым социальным движениям. Это сильная внутренняя демократия, распределение лидерских функций, гибкость, высокая степень неформальности, разнообразие интересов, высокая степень использования инструментов кибер-активизма, креативность и новаторский подход в публичных акциях, сетевидная, сегментированная и разноплановая структура, ограниченный интерес к переговорам с оппонентами, солидарность как цель и стремление к участию и прямому действию. В случае НУ с самого начала центральную роль играла одна характеристика, а именно – высокая степень использования инструментов кибер-активизма. Блог <http://www.precariosinflexiveis.org/> был первым публичным проявлением деятельности НУ. Он был запущен сразу после создания организации, и первым постом в нем был «Манифест уязвимых», где активисты определяют себя как «уязвимых на работе и в жизни». Они осуждают собственную уязвимость, обнаруживающую себя во взаимодействии с различными секторами экономики (особенно в публичном секторе, управляемом государством), а также свою невидимость в политическом дискурсе. Они объявили о своем намерении «заново изобрести борьбу», таким образом предполагая, что традиционные методы, используемые профсоюзами, больше не пригодны для постмодерного общества. Они утверждают, что являются «уязвимыми, но негибаемыми», и объявляют о своей решимости противостоять сильным

тенденциям уменьшения надежности труда и общей пролетаризации.

Первоначальные действия были направлены главным образом на распространение информации о несправедливых и незаконных ситуациях, затронувших уязвимых работников, и осуждение таких случаев. Уязвимые работники по определению имеют более слабые формы социальной защиты в связи с более гибкими трудовыми контрактами. Они испытывают трудности при работе с традиционными коллективными организациями трудящихся, такими как профсоюзы. И это не просто вопрос неспособности рабочего движения иметь дело с новыми формами трудового процесса. Среди фрилансеров растет предубеждение против формальных организаций и институциональной политики и недоверие к ним.

Одна из главных задач движения – конструирование новой идентичности «уязвимого работника» – представителя прекариата. Это необходимое условие для эффективной борьбы с беспределом в трудовых отношениях. Поэтому, на протяжении всего существования НУ, центральной задачей движения было информирование и поднятие уровня осведомленности тех, кто работает на должностях с меньшими юридически оформленными трудовыми правами или даже вообще не имея никаких прав. Пустив в обращение новые значения, связанные с разрушительными последствиями уязвимости работающих, НУ (совместно с другими подобными национальными и международными коллективными акторами) создали новую область для дебатов и конфликтов. Изначально НУ планировали действия экспрессивного характера, но теперь они вышли на другой уровень инструментализации и формализации, так что теперь движение представляет собой формальную ассоциацию.

> Железный закон олигархии?

Сегодня «Негибаемые уязвимые» проходят через новую фазу в своем «жизненном цикле». Как ассоциация национальных масштабов, НУ сейчас проходит стадию формализации и легализации. Переход от неформальной к более формальной организации понимается как логичный шаг и необходимое условие признания легитимности НУ как организации с представительскими полномочиями. Имея юридический статус,

организация выйдет на электоральную арену с надеждой говорить от лица избирателей и участвовать в институционализированном диалоге с другими организациями и формальными структурами.

Несмотря на новые возможности, которые повлечет за собой формальное объединение, есть опасность, что вступит в силу железный закон олигархии и поставит под угрозу революционный характер организации, поскольку НУ больше внимания уделяет сохранению в целостности своей структуры, чем осуществлению своей главной задачи. Переход от стихийного протеста к организации привел к образованию бюрократической структуры, трансформирующей цели НУ и притупляющей ее первоначальную антагонистическую суть. Но, по мнению некоторых социологов, таких как Альберто Мелуччи, бюрократизация не является неизбежным и необратимым результатом и она не обязательно сопровождается модификацией радикальных целей организации. Каковы альтернативные возможности НУ, будет понятно в следующие месяцы, когда откроется новый «политический сезон». Ожидаются новые планы жесткой экономии для стран Еврозоны, а вместе с ними – соответствующая реакция со стороны радикальных политических движений, отвергающих статус-кво. Только тогда мы сможем увидеть реальные последствия растущей формализации этой примечательной организации.

В настоящее время «Негибаемые уязвимые» успешно сдерживают олигархические тенденции. Об этом свидетельствуют массовые акции протеста, прошедшие при активном участии этой организации. Среди них манифестация 15 сентября 2012 года, когда мобилизованные через неформальные сети сотни тысяч людей вышли на улицы, чтобы выразить протест против политики жесткой экономии; акция протеста против утверждения госбюджета на 2013 год, состоявшаяся 31 октября 2012 года (акция проводилась совместно с CGTP – крупнейшей федерацией профсоюзов в Португалии), а также всеобщая профсоюзная забастовка 14 ноября 2012 года, информацию о которой активно распространяли НУ по своим сетям. ■

> Социология на зыбкой почве

Отчет с VII конгресса социологов Португалии

Мария Луиза Кварезма, Университет Оporto, Португалия

Организованный Португальской социологической ассоциацией (ПСА) VII Конгресс социологов Португалии прошел в стенах факультета гуманитарных наук Университета Оporto 19-22 июня 2012 года. ПСА, основанная в 1985,

выступает за развитие, признание и распространение португальской социологии, которая во время португальской диктатуры считалась “неудобной наукой”. Падение диктатуры в 1974 и новая эра демократии дали импульс вновь созданной ассоциации. С конца 1980-х гг. каждые четыре года мы

Новое поколение социологов-энтузиастов на Конгрессе Португальской социологической ассоциации в Порто, 19-22 июня 2012 года.

организуем национальный конгресс, собирая вместе сообщество португальских социологов, а также открывая двери для международного научного знания в лице иностранных исследователей.

Тема прошедшего конгресса – “Общество, кризисы и реконфигурации” – крайне соответствовала периоду экономических и социальных потрясений, приведших к тому, что предсказуемость уступила место неопределенности, безопасность – риску, надежда – страху. Программа, состоящая из разнообразных мероприятий и включающая множество тем, привлекла более тысячи социологов, включая 668 представителей различных социологических структур. Несмотря на то, что 72% участников представляли португальскую социологию, необходимо отметить, что конгресс собрал и высокий процент зарубежных участников (19%), среди которых был особенно много социологов из Бразилии.

19 июня состоялась предварительная встреча, на которой обсуждалась новая инициатива, ориентированная на молодых социологов. В основу идеи легла организация дискуссии по проблемам, волнующим тех, кто в данный момент только начинает профессионально заниматься социологией: их включение в рынок труда и карьерные возможности. Первым пунктом

программы стало мероприятие с участием президента МСА Майкла Буравого, которое посетили 180 молодых социологов. В противовес ориентации на конвенциональную модель конференции – зачастую иерархическую и дистанцирующую – сессия “Беседа с Майклом Буравым” началась месяцами ранее, когда молодые социологи предложили вопросы для очного обсуждения. Отвечая на них, профессор Буравой анализировал перспективы демократизации научного знания, критиковал монополию крупных академических центров, на научную легитимность, рассказывал о возможностях социологической интервенции в публичную сферу в контексте экономического социального кризиса и т.д.

В оставшиеся три дня конгресса эклектичная академическая программа, сопровождаемая пленарными сессиями “Общество и политика”, “Общество, демократия и ценности” и “Кризисы и политические перспективы”, вовлекала в общение с аудиторией как уважаемых португальских социологов, так и известных публичных деятелей. В центре пленарных обсуждений были темы, расширяющие дисциплинарные границы, налаживающие связи между производством научного знания и политическим действием. Зарубежные и португальские специалисты обсуждали последствия политики в сфере экономики, труда и нестабильности, образования и здравоохранения, старения

и социального обеспечения, землеустройства и окружающей среды в Южной Европе. Кроме того, было проведено множество тематических сессий, наиболее популярными из которых стали “Организации и профессии”, “Социология образования”, “Искусство, культура и коммуникация”, “Города, местности и землеустройство” и наконец “Глобализация, политика и гражданство”.

Научная программа дополнялась широкой культурно-развлекательной программой, включавшей ретроспективу короткометражных фильмов, студенческий театральный форум, концерты (как известных исполнителей, так и “Бездомного оркестра” – проекта службы образования Дома Музыки, а также книжные ярмарки. Заключением трехдневной программы стал общий ужин, особое время повторных встреч, налаживания связей и эмоционального общения. Так завершился крупный форум обсуждений и научных дискуссий, оставив свой след в современном португальском обществе, где социология все больше и больше становится жизненно важным исследовательским полем. И все же наиболее значительный отпечаток этот форум оставил в нашей личной биографии, обновляя и вдыхая новую жизнь в нашу страсть к социологии. ■

> Тройной поворот тайваньской социологии

Шин-Хуан Майкл Сяо, директор Института социологии Академии наук, Тайвань, и бывший президент Тайваньской социологической ассоциации

В ретроспективе история социологии в Тайване обладает явно выраженным своеобразием. Несмотря на то, что Тайвань находился под японским колониальным господством в период с 1895 по 1945 годы, в современном Тайване нет очевидных следов японской социологической традиции. Не случилось также и прямого переноса и передачи традиции социологии Китайской Республики (1911-1945), когда Китайская Национальная партия (Гоминьдан) пришла к власти в Тайване после Второй мировой войны. Тайваньская социология зародилась в начале 1960-х гг. под сильным влиянием американской социологии, что привело к зависимости местной науки от американской в последующие два десятилетия. В начале 1980-х годов в социологии, наряду с психологией и антропологией, возникло «движение индигенизации» (движение за национальную самобытность) как коллективная реакция на чрезмерную зависимость от парадигмы социальных наук США. Интеллектуальный ландшафт тайваньской социологии начал меняться.

В начале, для второго поколения тайваньских социологов (большинство которых получили образование в Америке), был характерен критический консенсус, утверждающий, что в стране нет крепких эмпирических исследований тайваньского общества, невзирая на попытки теоретизировать тайваньский опыт. Это поколение призывало к развитию «укорененной» социологии, с опорой на культурную и историческую тайваньскую идентичность. Вскоре социологи пополнили ряды «движения за либерализацию», осознав, что авторитарное правление Гоминьдана препятствует развитию здоровой и независимой социологии. Они требовали установления свободного и демократического общества в Тайване. «Движение за либерализацию»

призывало сделать социологию полезной для продвижения политической демократизации Тайваня. В общем, с 1980 года тайваньская социология стала свидетелем двойного опыта «индигенизации и либерализации», который не только изменил характер непосредственно социологии Тайваня, но и косвенным образом повлиял на ход развития общества и политики в стране.

“Наиболее ярким развитием социологии было в период социальной трансформации Тайваня”

Точнее говоря, за последние три десятилетия в социологии Тайваня произошло три поворота, связанных с развитием социологии в сторону «индигенизации и либерализации». Первым был «умеренный поворот», целью которого было установление связи с социальной реальностью и социальными преобразованиями тайваньского общества. Одним из важных шагов было инициирование в 1984 г. регулярного крупномасштабного «Исследования социальных изменений Тайваня», предоставляющего высококачественные эмпирические данные, документирующие главные тренды тайваньского общества. Еще одним шагом стала публикация серии сборников, анализирующих значимые социальные проблемы Тайваньского переходного общества. На данный момент издано 6 томов за 1979, 1984, 1991, 2002, 2005, и 2010 годы. Они служат надежными справочниками как для ученых, так и для широкой общественности.

Второй «критический поворот» связан с артикуляцией

>>

важнейших общественных проблем. Одним из ключевых моментов стало стремление оспорить политические табу, установленные авторитарным режимом Гоминьдана, через включение трех ранее запрещенных областей исследования, а именно: этнических отношений; социальных классов и классовых границ, и гендерного неравенства. Поэтому не удивительно, что среди 1133 глав 160 социологических сборников, опубликованных в период между 1980 и 2011 годами, лидировали такие темы, как социальный класс, социальная мобильность, структурные изменения и связанная с ними проблематика (в общей сложности 214 глав). Следом шли темы, связанные с этничностью (131 глава), и гендерные вопросы (78 глав). Еще один крупный исследовательский проект был посвящен документированию роста и практик новых социальных движений и социальной активности гражданского общества. К настоящему моменту опубликовано 5 крупных сборников по общественным движениям, доступные не только представителям академического сообщества, но и широкой публике. Сборники были опубликованы в 1989, 2000, 2006, 2010 и 2011 годах.

Третий сдвиг стал «коренным поворотом», обеспечившим социологии важное место в процессе политической демократизации Тайваня. Многие

практикующие социологи активно писали эссе в газетах и популярных журналах, участвовали в общественных семинарах и пресс-конференциях по защите и укреплению демократии. В сущности, тайваньские социологи практикуют публичную социологию и вовлекают науку в демократические движения Тайваня с 1980 года. Целый ряд тайваньских социологов принимал активное участие в качестве публичных интеллектуалов и активистов, непосредственно участвующих в инициировании и мобилизации, и управляющих различными фронтами в рамках демократических движений.

Диалектика социологии и социальных преобразований тайваньского общества, начавшихся с 1980-х годов показывает, что наиболее динамичным и ярким развитие социологии было в то время, когда Тайвань переживал самые глубокие трансформации. Социальные и политические изменения побудили местных социологов к развитию органичной связи с тайваньской действительностью, дали энергию бросить вызов авторитарному правлению посредством критических социологических исследований, и даже воодушевили их на участие в демократических движениях. Действуя таким образом, тайваньская социология не только стала более либеральной, но и помогла стать более демократичным всему тайваньскому обществу. ■

> Трудности

СОЦИОЛОГИИ МАЛЕНЬКИХ СТРАН: тайваньский случай

Су-Чжэн Хуан, Тайпейский национальный университет, Тайвань

Социология в Тайване появилась менее чем 60 лет назад благодаря небольшой горстке исследователей, едва ли один из которых имел кандидатскую степень. За последние годы тайваньская социология развилась до уровня дисциплины, где около 300 ученых имеют степень PhD. Социологи Тайваня значительно продвинулись в своих исследованиях и нередко принимают участие в публичных дискуссиях по поводу государственной политики. Для страны в фазе быстрого перехода от аграрного общества к состоянию индустриальной активности, Тайвань достиг больших успехов в социологии.

Однако существует предел, ограничивающий стремление тайваньской социологии понять собственное общество с точки зрения теории и методологии. Этот предел обусловлен небольшим размером тайваньского научного сообщества, которое, в свою очередь, определяется количеством населения страны и его вкладом в науку. Вполне вероятно, что подобные ограничения имеют место в других маленьких странах и в других общественных науках.

Нынешняя социология, как и любая другая академическая дисциплина, делится на множество узкоспециализированных подразделов. Каждый из них, в свою очередь, состоит из более, чем дюжины предметов исследования. Осмысленные исследования по любой разработанной социологической тематике требуют многих лет теоретико-методологической подготовки и практики. Сообщество, состоящее всего лишь из трех сотен социологов, подразумевает, что большинство подразделов тайваньской социологии изучаются очень небольшим количеством активных исследователей, а многие важные социальные феномены так и остаются неисследованными.

Так как многие аспекты тайваньского общества не затронуты социологическими исследованиями, на социологической карте Тайваня остается множество белых пятен. Этот недостаток знаний, в свою очередь, затрудняет исследовательский процесс. Не имея достаточного количества локальных исследовательских работ для ссылок и цитирования, мы вынуждены больше опираться на иностранные, чем на локальные материалы. Кроме того, при изучении Тайваня нам часто приходится прибегать к домыслам. Вследствие этого значительная доля нашего понимания тайваньского общества основана скорее на подкрепленных образованием догадках, чем на полноценных исследованиях. И читателям научных докладов часто трудно отличить такие догадки от точных знаний.

**“Тайваньская социология
в значительной степени
представляет собой
импортозамещающую дисциплину”**

Даже в тех областях, которым уделяется научное внимание, активных исследователей можно пересчитать по пальцам на одной руке. Публикации появляются редко и медленно, иногда с промежутком в несколько лет, если не десятилетий. И даже в относительно разработанных областях социологии часто требуются годы для того, чтобы работу процитировали или прокомментировали. Продуктивный диалог между коллегами — часто всего лишь мечта. Академическое одиночество — реальная действительность для многих исследователей. Даже лучшие исследователи здесь

>>

будут огорчены отсутствием обратной связи и уважения.

Намного хуже то, что недостаток коллег и адекватного диалога означает и недостаток проверок и уточнений в процессе исследования. В экстремальном случае одна плохая, недоработанная публикация может являться единственным локальным ресурсом по данному вопросу за все десятилетие, и тогда она автоматически приобретает статус общепринятой мудрости и вводит исследователей в заблуждение.

Когда слишком много тем остаются плохо изученными или даже совсем неисследованными, заблуждение может прокрасться и в наиболее изученные вопросы. Причина этого проста. При исследовании мы не строим всю картину с нуля. Вместо этого мы обычно полагаемся на базу сопровождающих знаний, коллективно произведенных академическим сообществом и здравым смыслом в нашем обществе. Именно на этом фоне базовых знаний мы интерпретируем наши данные и приходим к исследовательским выводам. Когда база знаний о нашем собственном обществе имеет значительные пробелы и зачастую содержит сомнительные сведения, даже самый прилежный исследователь рискует сделать неправильные выводы. Другими словами, независимо от того, насколько хороши проект, сбор данных и анализ в наших исследованиях, острая нехватка базовых знаний о нашем обществе может легко привести к неверной интерпретации наших исследовательских находок.

Кроме того, дефицит локальных исследований препятствует возникновению оригинальных концепций и теорий, которые нередко требуются для анализа особенностей местного общества. Каждое общество обладает собственной уникальностью, которая

не может быть адекватно описана при помощи заимствованных из-за рубежа концепций или теорий. В этой ситуации, не такой уж и редкой, для полной картины местного общества в дополнение к локальным данным необходима локальная концепция или теория. Однако не хватает ученых для их разработки. Даже в тех счастливых редких случаях, когда исследователь разрабатывает хорошую оригинальную концепцию или теорию, мало кто воспримет ее и оценит по достоинству. По сравнению с импортными концепциями и теориями, на которые существуют сотни, если не тысячи ссылок в международных публикациях, шансы того, что оригинальная концепция или теория сможет завоевать местных последователей, очень малы. Несмотря на популярный призыв пользоваться «коренными» концепциями и теориями, все равно не хватает коллег, не хватает взаимного цитирования. Поэтому для процветания таких локально разработанных концепций на академическом рынке им не хватает доверия. Как следствие, социология Тайваня в значительной степени представляет собой импортозамещающую дисциплину, производящую исследования-подражания путем подстановки местных данных в импортированные модели.

Что же нам делать, кроме как быть пессимистами? Учитывая актуальность и значимость социальных наук в публичной политике, а также огромную социальную цену невежественной публичной политики, наша ответственность заключается в том, чтобы настаивать на инвестициях в социальные науки. С другой стороны, нам необходимо честно признать ограниченность, нашего понимания собственного общества, усердно заниматься построением широкой платформы социальных знаний и проявлять больше рефлексии в интерпретации наших исследований. ■

> Вопросы морали и личная свобода в Чили

Ориана Бернасconi, Университет Альберто Уртадо, Сантьяго, Чили

“То, что считается общепринятой моралью, не только расплывчато, но и непостоянно”

(Шейла Бенхабиб, 2004)

За последние десятилетия в Чили прошли реформы системы здравоохранения, образования, рынка труда, а также пенсионная реформа. Вне сомнения, они внесли свою лепту в развитие демократического общества равных возможностей. Однако еще многое оставляет желать лучшего. Общество сталкивается с огромными проблемами в таких вопросах, как автономия личности, экономическое равенство, политическое участие и защита от дискриминации. Для построения зрелой демократии требуются изменения во всех этих областях. Важную роль здесь играют общественные науки, занимающиеся производством знания, которое может помочь разрешить социальные противоречия, способствуя борьбе с равнодушием, непониманием или недоверием.

В Чили общественные дискуссии, в которых ключевым является моральная составляющая, называются «дискуссиями о ценностях» (*disputas valóricas*). К этой категории относятся публичные дебаты о праве на эвтаназию, законе о разводах, легализации аборт и правах сексуальных меньшинств. В чилийском обществе большинство подобных споров разгорелось, когда поднимался вопрос о внесении соответствующих изменений в законодательство. Поскольку обсуждение законопроектов включает в себя обсуждение прав и обязанностей членов общества по отношению друг к другу, изучение их может рассказать нам многое о моральной культуре общества. Оно может выявить, например, доминирующие представления о добре и справедливости, их социальное распределение, источники моральных норм, а также процедуры нравственного выбора.

С восстановлением демократии в чилийском обществе также начали предлагаться и обсуждаться реформы, ориентированные на расширение личных свобод и снижение общественного вмешательства в частную жизнь и индивидуальные решения личности.

В то время как в большинстве западноевропейских стран у истоков этих моральных дебатов стоял вопрос об аборте, а вопрос эвтаназии стал обсуждаться позже, в Чили требования конституционных реформ в этой морально чувствительной сфере начались в начале 1990х с обсуждения вопросов полового воспитания. После этого начался девятилетний дебат по поводу закона о разводах (который был принят только в 2004 году), а затем были внесены шесть различных законодательных инициатив, регулирующих «достойную смерть» и устанавливающих право на эвтаназию. Эта дискуссия захватила период с 2000 по 2012 гг.

В настоящее время дебаты продолжаются, с фокусом на правах сексуальных меньшинств и на вопросах экстренной контрацепции (*'morning after' pill*). Члены общества начинают

принимать участие в таком типе дискуссий, когда расширение личных прав и борьба с дискриминацией становятся политическими проектами. В то время как одни чилийцы приветствуют такие реформы как признак моральной зрелости, другие критикуют их как символ тревожной вседозволенности, морального разложения и даже кризиса нравственности.

Я реконструировала и проанализировала режимы оправдания и критики, используемые в дискуссии о законодательных инициативах по регулированию эвтаназии и «достойной смерти» в Чили. Это был плодотворный легальный и моральный дебат. Новейшие биологические и медицинские исследования создали новые возможности для вмешательства в человеческую жизнь, ее продления или прерывания, переопределяя самое значение жизни. Обсуждение случаев эвтаназии, зачатия *in-vitro*, клонирования и суррогатного материнства («*матка напрокат*»), показывают нам, что дискуссии о соотношении технология и общественных практик воспроизводят прежнюю структуру и содержание и ставят перед обществом моральные проблемы.

“Дискуссия по поводу ценностей: моральная зрелость или моральное разложение?”

Анализ дискуссии выявил конфликт между двумя моральными принципами: автономией пациента и неприкосновенностью жизни. Защитники эвтаназии рассматривают ее как добровольное, положительное действие, требуемое пациентом от врача в ситуации невыносимой и неизлечимой боли. Противники законопроекта об эвтаназии рассматривают ее как нечто выходящее за пределы медицинского контекста. Они включают в обсуждение феномен пассивной эвтаназии, проявляющийся в ситуации, когда пациент умирает в результате непредоставления ему необходимой медицинской помощи. Однако дискуссия распространяется за пределы обсуждения этих двух моральных принципов. Она включает описание самих ситуаций, регулируемых законом: «причины смерти», помощь в самоубийстве, «экстренное и плановое лечение», «пациент в терминальной стадии болезни», «паллиативное лечение». Таким образом, анализ дискуссии выявляет не только ценности, которые граждане готовы защищать. Этот анализ выявляет социально-политическое конструирование и использование якобы объективных технических фактов, а также переплетение науки и морали во времена поздней современности. ■

¹ Я опросила членов парламента и специалистов по биоэтике, вовлеченных в дискуссию, анализировала законопроекты и их обсуждение в парламенте, а также рассмотрела информацию из академических статей и газет.

> Недостатки экологической политики в Чили

Алехандро Пелфини, Университет Альберто Уртадо, Сантьяго, Чили и Школа социальных наук Латинской Америки, Аргентина

Протест против строительства крупной ГЭС в Патагонии, Чили.

В 2011 году события в Чили заняли важное место в мировых новостях. Рост массовых протестов против одной из самых дорогих и неравных систем высшего образования в мире получил неожиданное внимание. В целом, тот год был отмечен ростом социальных движений и горизонтальной политизацией граждан, которые до сих пор в течение двадцатилетнего опыта демократической реконструкции пассивно принимали консолидацию неолиберализма. Новая политика выразилась

не только в виде студенческих протестов, но и в других областях за пределами традиционных общественных разделений. Права и автономия коренных народов и сохранение некоторых «народностей», рассматриваемых как экологическое наследие, вызвали поддержку и солидарность даже тех, кого это напрямую не коснулось.

Многочисленные протесты против крупномасштабных ГЭС (Гидро Айсен) в одном из самых девственных мест чилийской Патагонии, против установки термоэлектростанций, а также крупномасштабной горной добычи

в целом, вышли за пределы местных сообществ и вылились в массовые демонстрации в столице Сантьяго. Масштабное гражданское движение подвело критику не только вектор экологической политики в стране, но и политику в области энергетики в целом, а также ее связи с ресурсно-зависимой и глубоко неустойчивой моделью накопления. В этом смысле Чили, рассматриваемая как один из первых и относительно успешных неолиберальных экспериментов в мире, вдруг становится лабораторией экологической модернизации полупериферийных обществ.

Экологической политике Чили

>>

не более десяти лет, и началом ее развития, вероятно, стал кризис лососевой индустрии в южной части Тихого океана. Эта политика носит, главным образом, реактивный характер, действуя в первую очередь по факту и, таким образом, не способствуя формированию общественной повестки дня, а, скорее, оценивая, смягчая или даже оправдывая уже существующее положение дел в области инвестиций в производство или горнодобычу. Политические меры служат для воспроизводства и легитимации добычи сырья, лежащей в основании нынешнего благосостояния Чили. Разведение лосося, лес и полезные ископаемые являются основным экспортом Чили. Они являются объектом экологического регулирования, преследующего три основные цели: защиту ресурсов (но не окружающей экосистемы в целом); управление социально-экологическими конфликтами и охрану интересов инвесторов и их юридическую безопасность. Экологическая политика в отношении этих ресурсов включает в себя три основных субъекта: инвестор (как правило, транснациональная корпорация);

государство в качестве агента, утверждающего инвестиционный проект; эксперты (аналитические центры или органы экологической экспертизы), обеспечивающие научную легитимность данного проекта. Эти акторы связаны тесными сетевыми отношениями. При этом внутриэлитный альянс господствует в области экологической политики, тогда как гражданскому обществу и обычным гражданам отводится роль наблюдателей.

Мой проект ставит своей целью проанализировать, как эта сеть консолидируется в доминирующий дискурс (главным образом, дискурс корпоративной социальной ответственности), построенный вокруг особого институционального механизма (Добровольные соглашения) и использующий Международную ассоциацию по оценке воздействия на окружающую среду для легитимации и воспроизводства своего господства в сфере экологической политики. В этом контексте прогрессивные и демократические идеалы, такие как подотчетность, прозрачность участия были редуцированы до инструмента разделения, государства, рынка

и гражданского общества, стимулирующего гибкое партнерство и саморегулирование. Процесс коллективного научения, безусловно, начался, и демократизация тоже в некоторой степени имеет место, но эти процессы происходят в форме «научения под колпаком», т.е. под патронажем слабых демократических процессов. Это ставит вопрос о том, являются ли эти недостатки лишь следствием «простой» инструментализации, навязанной коалицией элитных групп или они связаны с самими идеалами (подотчетность, прозрачность и участие), которые, возможно, оказываются на деле менее прогрессивными и демократичными, чем принято думать. Более чувствительной и активной гражданской позицией является «вброс» инновационных предложений в публичную сферу и вынесение политической дискуссии за пределы традиционных институтов на улицы и в медийные пространства. ■

¹ Это исследование - часть более крупного проекта "Формальные институты и неформальные сети в публичной политике Чили" (грант FONDECYT No. 1110428), координатор Патрисио Миранда.

> Мигранты заняли центр Сантьяго-де-Чили

Каролина Стефони, Университет Альберто Уртадо, Сантьяго, Чили

Продуктовый магазин для колумбийских и перуанских мигрантов в центре Сантьяго.

В самом сердце культурно-исторического центра Сантьяго-де-Чили находится крупнейший в городе мигрантский анклав. В нем живет значительное количество иммигрантов из различных латиноамериканских стран, большинство из них – перуанцы. Перуанские иммигранты развернули интенсивную коммерческую активность, сосредоточенную вокруг товаров и услуг для иностранцев, таких как кухонная утварь, фаст-фуд, колл-центры, доставка грузов и денежные переводы.

Вот некоторые факторы, обуславливающие развитие этого анклава: доступность домов старого фонда и коммерческих помещений – результат депопуляции городского центра, продолжающейся последние несколько десятков лет; высокая концентрация иммигрантов, в основном из-за доступности жилплощадей, разделенных на небольшие комнаты, которые арендуются неформально; развитие компаний, занимающихся импортом товаров из Перу и делающих эти товары доступными для продавцов, которые только открыли свой бизнес в этом районе; а также две амнистии, проведенных во время правления Concertación (левоцентристской политической

коалиции), которые способствовали регуляризации иммигрантов и облегчили их последующее включение в формальную торговлю.

Хочу выделить три центральных свойства этого анклава. Во-первых, в иммигрантском бизнесе часто пересекаются формальные и неформальные практики. В то время как городские власти хотят уничтожить уличную торговлю, в настоящее время во многих формальных магазинах все еще поддерживаются неформальные практики, такие как продажа товара на улице, работа без контракта и нелегальная продажа товаров. Эти практики – просто стратегия увеличения прибыли для продавцов на рынке с высоким уровнем конкуренции и, следовательно, низким уровнем экономической отдачи.

Вторая интересная черта – то, что анклав выступает как географический ориентир при конструировании идентичности в иммигрантском сообществе. Это пространство – общеизвестное место встречи для всех, кто разделяет судьбу быть иностранцем в Сантьяго: оно распознается как таковое не только самими иммигрантами, но и остальными

жителями города, и теми, кто живет в родных странах иммигрантов..

Третья черта относится к географическому положению анклава в городе и его влиянию на формы и значения, принимаемые анклавом. Тот факт, что он расположен в культурно-историческом центре Сантьяго, означает, что мигранты устанавливают все возможные социальные отношения с другими жителями района, будь то офисные работники, туристы, госслужащие или рабочие. Тип социальных отношений, ими устанавливаемых, помогают сформировать характер, значения и границы, которыми обусловлена форма анклава.

Действительно, мигрантские способы присутствия географически ограниченного места в городском центре являются источниками значений и репрезентаций, часто находящихся в конфликте с другими свойствами города. Здесь можно привести два примера. Первый – это идея, что данный район города имеет гражданскую значимость, так как в нем расположены органы исполнительной и судебной власти, а именно – правительственное здание, министерство юстиции и множество других министерских офисов. Именно в этом районе был основан

город Сантьяго и была подписана Декларация о независимости. Таким образом, большая историческая и демократическая значимость района входит в конфликт с идеей, что это место для иностранцев.

Во-вторых, существование анклава ставит вопрос об образе глобального города, более современной репрезентации Сантьяго, недавно предложенной городскими властями. Новая репрезентация включает в себя кампании, продвигающие образ чистого, безопасного и организованного города, а также политику восстановления городского пространства в историческом центре, который уже многие десятилетия находится в состоянии заброшенности и депопуляции, которое только усугубляется. Мигрантский анклав противоречит идее глобального города и образу международного торгового центра, который в последние годы продвигается городскими властями.

Присутствие иммигрантов и их способы использования пространства, кроме всего прочего, порождает дискуссии в публичном пространстве, которые, в свою очередь, вносят свой вклад в характер анклава. ■

> Интернационализация социологии

Элоиза Мартин, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия, редактор *Current Sociology*

В настоящее время в высших учебных заведениях всего мира есть общий спрос на интернационализацию. Среди прочих попыток ее осуществить особенно выделяется одна – публикации во влиятельных академических журналах. Последние тридцать лет публикации воспринимаются как одно из необходимых требований для наук в целом, а особенно для социальных наук. В то же время международная публикация означает публикацию *на английском языке*. Доступность журналов на испанском, французском, арабском или немецком языках ограничена рамками соответствующих лингвистических сообществ, которые, хоть и являются транснациональными, но не имеют международного статуса. Преобладание английского как привилегированного глобального академического языка укрепляет эту тенденцию.

Тем не менее, многие публикации, которые считаются международными (так как занимают верхние строчки индексов, имеют большой импакт-фактор и переведены на английский), *на самом деле международными не являются*. Как заметил Том Дуайер на Конференции национальных ассоциаций¹ МСА в 2009 году, тот факт, что журнал издается на английском языке, даже логически не предполагает, что журнал будет *международным*. Журналы национальных социологических ассоциаций в Северной Америке или Западной Европе по определению занимаются разработкой национальных исследовательских программ, и это не обязательно является их недостатком. Проблема в том, что недоминирующие университеты и их спонсоры считают эти журналы «международными» и требуют публикации *именно в этих изданиях*. Это превращается в проблему для ученых, работающих вне академического «мейнстрима», особенно для тех, чей родной язык не английский. В результате требование международных публикаций ставит большинство социологов в затруднительное положение.

Спрос на ложную «интернационализацию» является отнюдь не мелким фактором, во многих случаях он формирует перспективы научной области и даже влияет на возможность трудоустройства. Существует три возможных реакции на это положение дел. Во-первых, это гиперлокальность на национальном или региональном уровне, отвергающая требование международных

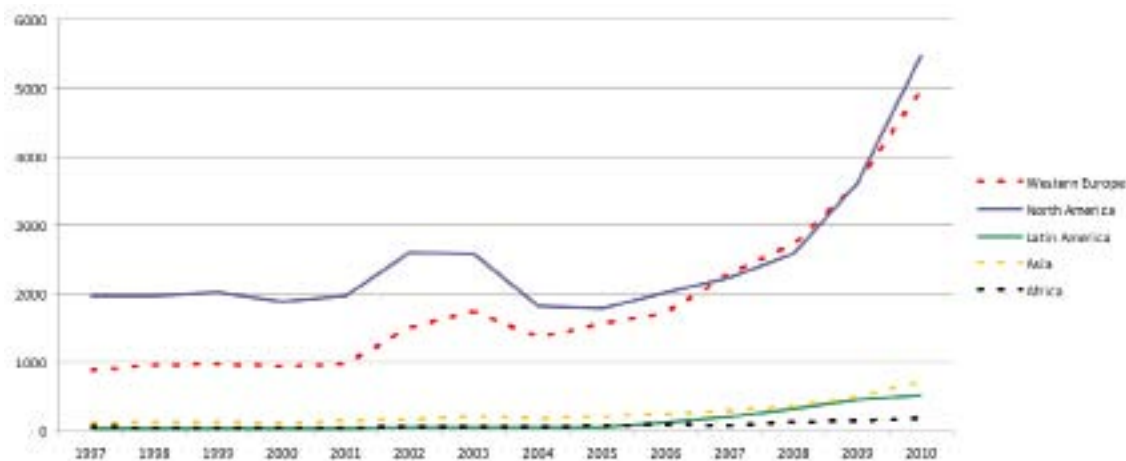
публикаций и сосредоточенная на местной аудитории. Иногда гиперлокальность принимает вид изощренной критики системы индексирования и измерений влияния, а иногда просто выглядит как защитная культуралистская реакция. Преимущество гиперспецифичности состоит в том, что она помогает углублению исследований в определенных направлениях, и это приводит к богатому и подробному анализу. Но невозможность вступить в диалог с другими точками зрения и ограниченная актуальность тематики для более широкой дискуссии значительно сужают горизонты и потенциальную теоретическую важность таких публикаций.

Согласно другой реакции, международные публикации необходимы и являются основной целью. Для того, чтобы достичь этой цели, недоминирующие социологии охватывают вопросы, теории и методы доминирующих школ и имитируют присущий этим школам стиль письма. Парадоксальным образом, недоминирующие социологии не всегда достигают своей цели, возможно, из-за того, что попадают в ловушку имитации. Они пишут тексты, выглядящие академически идеально, но неспособны наделить их ни актуальностью, ни оригинальностью. Вероятно, основные теоретические и стилистические форматы, к которым эти исследователи пытаются приспособить локальные исследования, оказываются для последних прокрустовым ложем.

Третий вариант, не менее проблематичный и трудноосуществимый, – это диалог. Авторы, институты и журналы, признающие локальную специфику научных вопросов, теоретических дебатов и стилей письма, в то же время воспринимают международную публикацию не только как путь развития и роста для национальных социологий, но и в качестве способа участия в построении социологии как глобального коллективного проекта. Этой точки зрения придерживаются Международная социологическая ассоциация и журнал *Current Sociology*.

Всемирный доклад по общественным наукам (World Social Science Report) (UNESCO, 2010: 153) показывает, что интернационализация публикаций более успешна в доминирующих регионах – Европе и Соединенных Штатах. Действительно, более 80% научных журналов в области социальных наук издаются на английском языке, а две трети наиболее значимых публикаций в

Распределение статей в ведущих журналах по социальным наукам по признаку региональной принадлежности авторов

этой области издаются лишь в четырех странах: это США, Англия, Голландия и Германия. Тем временем, лишь менее 5% научных статей в мире публикуются авторами из Океании, Латинской Америки и Африки соответственно (UNESCO, 2010: 143-4).

Если посмотреть, какие журналы занимают верхние позиции в базе данных SCOPUS², очевидно, что большинство публикуемых авторов работают в институтах Западной Европы и Северной Америки, а присутствие азиатских и латиноамериканских авторов весьма ограничено (хотя азиатский вклад растет), публикации же авторов из африканских университетов практически отсутствуют.

Эта тенденция касается и журнала *Current Sociology*. С 1999 по 2009 год³ немногим более 72% опубликованных статей являлись трудами ученых из европейских и североамериканских университетов. Как и в других мейнстримовых журналах, азиатские и австралийские авторы заняли соответственно 8,1% и 5,3% объема. С точки зрения академической принадлежности, более половины авторов, опубликованных в журнале, работают в следующих пяти странах: Великобритания, Соединенные Штаты, Канада, Германия и Австралия.

Однако интересно заметить, что среди статей в *Current Sociology* 6% принадлежали латиноамериканским авторам, 3,2% – африканским и 2% – ученым с Ближнего Востока. Мы все еще далеки от переворота в тенденции, о которой заявила ЮНЕСКО, но в то же время я могу с некоторой гордостью утверждать, что *Current Sociology* открыл

двери для других авторов и других школ. Тем самым он зарекомендовал себя как истинно международный журнал, тяготеющий к плюрализму как в содержании, так и в географической принадлежности авторов.

С самого своего основания в 1952 году *Current Sociology* стремится к подобным результатам. Журнал принимает заявки на любых языках – как и журнал *International Sociology*. *Current Sociology* открыт для новых тем, теоретических и методологических предложений, не входящих в мейнстрим, а также готов к альтернативным стилям письма. Журнал скорее характеризуется своей готовностью к диалогу, и это позволяет ему доносить результаты локальных исследований до международной аудитории. Разумеется, в процессе теряется некоторая локальная специфика, но не обязательно страдает точность анализа. А возможность дискуссии среди коллег по всему миру полезна как для авторов, так и для сообщества читателей *Current Sociology*.

¹ Комментарии Дуайера есть на видеозаписи «Задачи глобальной социологии» по адресу <http://www.youtube.com/watch?v=QA5GaEPQcZl>.

² Я хотела бы поблагодарить Матиаса Лопеса, редактора-консультанта *Current Sociology*, за данные и оформление графика..

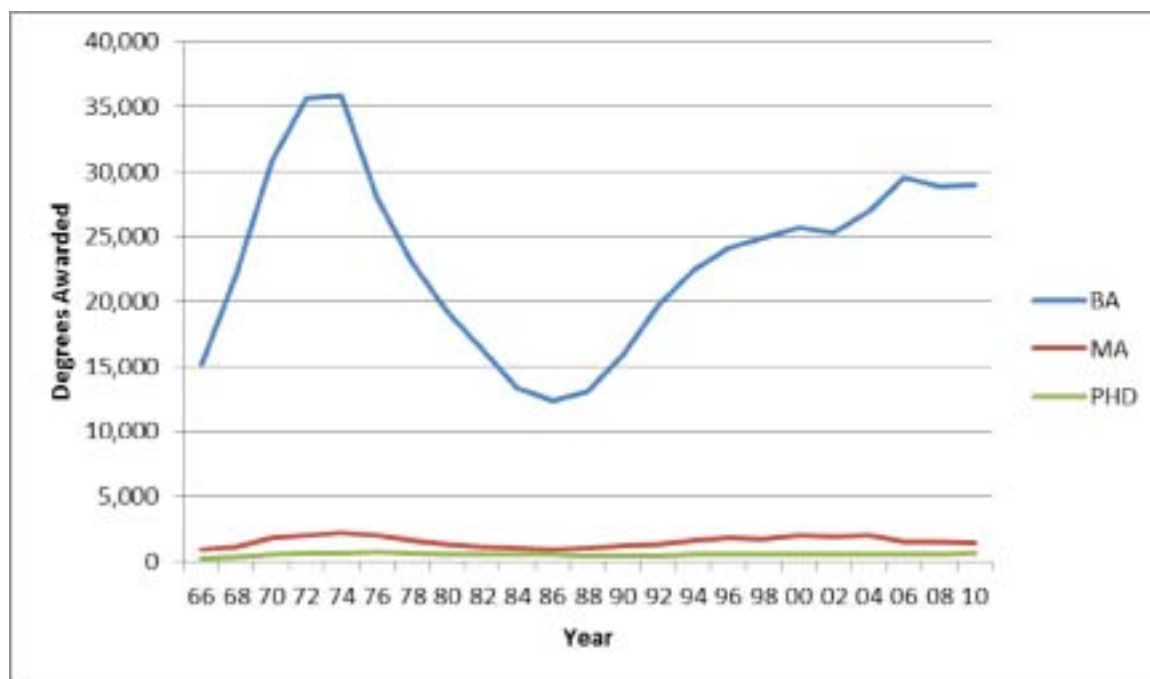
³ Дальнейшие подробности и дополнительная информация по этому опросу *Current Sociology* опубликованы в статье Элоизы Мартин «*Making Sociology Current through International Publication: A Collective Task*» (Делая социологию актуальной посредством международных публикаций: коллективное задание). 2012 год. *Current Sociology* 60(6): 832-7.

> Американская социология пришла в упадок?

Бронвен Лихтенстайн, Алабамский университет, Таскалуса, США, президент исследовательского комитета RC49 (социология психического здоровья)

Научные степени в социологии в США, 1966-2010 гг.

Источник: ASA, Research on Sociology 2012.

Каково состояние социологии в Соединенных Штатах? Когда я в 1994 году эмигрировала из Новой Зеландии в США, штат Алабама, мне говорили, что американская социология находится в упадке. Докторская программа Алабамского университета по социологии недавно была ликвидирована по причине того, что преподаватели конфликтовали друг с другом: администрация разрешила конфликт тем, что закрыла программу. Социологическая специализация (minor) перешла в состав факультета уголовного права, где я в настоящее время и работаю. С тех пор разговоры о восстановлении факультета социологии зашли в тупик, а программа minor недостаточна для поддержания жизнеспособности или развития полноценного социологического образования на факультете. Так что в моей области США перспективы далеко не радужные.

Я ни разу не задумывалась, что же происходит в большом социологическом мире, до того, как прочла в книге Бенджамина Гинзберга "The Fall of the Faculty: The Rise of the All-Administrative University and Why It Matters" («Падение профессуры: о росте управленческого

монополизма университета и о том, почему это важно»), изданной в 2011 году, следующую фразу: «Именно эта судьба [закрытие] постигла несколько уважаемых в академическом сообществе социологических программ в стране в последние несколько лет, так как студенческий интерес к этой области почти исчез» (104).

Прочитав громкое заявление Гинзберга об упадке социологии, я решила зайти на сайт Американской социологической ассоциации и посмотреть информацию о дисциплинарных трендах в американских колледжах и университетах. Данные показали, что число бакалавров и магистров с 1990 до 2004 года увеличилось почти в два раза. Информация за 2001–2007 годы свидетельствует о дальнейшем росте числа выпускников-социологов в большинстве университетов и колледжей (Spalter-Roth, 2008). Возросло и количество автономных факультетов социологии, возможно, в ответ на увеличение числа обучающихся.

АСА предупреждает о трех опасностях, таящихся за этим видимым подъемом. Во-первых, тенденции роста

>>

не касаются докторских степеней, и число последних даже уменьшилось в начале 2000-х и только потом стало восстанавливать позиции. Во-вторых, программа образования по уголовному праву укрепилась за счет традиционной социологии. В-третьих, меньшее число преподавателей нанимается по контракту для обучения этих студентов. Вместо этого на полную или неполную ставку нанимаются лекторы, так как университеты стремятся ограничить свои расходы и максимизировать прибыль. Это национальная тенденция, затрагивающая не только социологию, но и другие дисциплины (Wilson, 2010).

Умеренно оптимистичная картина, представленная в отчетах ASA, должна быть поставлена в контекст более общих тенденций американской социологии. На рисунке показано, что зенит социологии пришелся на 1970-е годы, когда факультеты и программы социологии создавались и развивались на национальном уровне. Однако в 1980-х социология пережила крах: число учащихся и полученных дипломов снизилось так стремительно, что многие писатели предсказывали конец социологии (Summers, 2003). Данлэп и Кэттон (1994: 11) связывали депрессию 1980-х годов с возрождающимся фундаментализмом свободного рынка и, следовательно, с «тяжелой атакой» социальных наук со стороны администрации Рейгана, вследствие чего студенческий интерес к социологии ослабел. Спад было настолько резким, что социология до сих пор не может полностью восстановить позиции и поспевать за ростом населения Соединенных Штатов.

Возможно, Гинзберг прав по поводу отсутствия интереса к социологии, но я подозреваю, что есть еще один фактор: студенты поощряются к поступлению на программу, которая обеспечит им занятость в экономике, находящейся на шатком пути к восстановлению. Мы наблюдаем, что, существует общая тенденция к получению именно профессиональных, а не академических дипломов, и она обусловлена скорее экономическими, чем идеологическими причинами. Первый вопрос, который любой студент задает мне по поводу карьеры в социологии: «Но куда мне с этим идти?» Я обычно отвечаю: «Много куда» и объясняю, чем полезна ученая степень в социологии. Но, учитывая свой опыт преподавания на социологической программе

сомнительной жизнеспособности, я должна постараться более обоснованно ответить на вопросы студентов.

Несколько лет назад я провела опрос среди 1000 студентов бакалавриата на программе «Уголовное право и социология», на тему того, нужна ли в Алабамском университете основная программа по социологии. Решительным ответом студентов было «да». Возможно, отсутствие интереса наблюдается не столько со стороны самих студентов, сколько со стороны родителей и значимых других, считающих, что образование в области бизнеса, инженерии, медицины или педагогики имеет большую ценность и обеспечит высокооплачиваемую работу. В любом случае, в 2012 году социология все еще является жизнеспособной. Может быть, мы и не добьемся такого же количества поступающих, как на прикладных программах, но традиционная социология находит свое место в критическом мышлении, социальном анализе и способствует общему повышению уровня образования, а следовательно, и трудоустройству граждан. Я надеюсь, что социология еще переживет подъем, и это произойдет, когда в американском обществе снова начнут предпочитать академическое образование чисто утилитарным навыкам.

Источники

American Sociological Association (2012) "Research on Sociology: Sociology Degrees Awarded by Degree Level 1966-2010." Retrieved November 29, 2012 (http://www.asanet.org/research/stats/degrees/degrees_level.cfm).

Dunlap, R. E. and Catton, W. R. Jr. (1994) "Struggling with Human Exemptionalism: The Rise, Decline and Revitalization of Environmental Sociology." *The American Sociologist* 25(1): 5-30.

Ginsberg, B. (2011) *The Fall of the Faculty: The Rise of the All-Administrative University and Why It Matters*. New York, Oxford University Press.

Spalter-Roth, R. (2008) "What Is Happening In Your Department? A Comparison of Findings from the 2001 and the 2007 Department Surveys." Washington, DC: American Sociological Association. Retrieved December 10, 2012 (<http://www.asanet.org/images/research/docs/pdf/Whats%20Happening%20in%20Your%20Dept.pdf>).

Summers, J. H. (2003) "The End of Sociology?" *Boston Review* 28(6). Retrieved December 10, 2012 (<http://bostonreview.net/BR28.6/contents.html>).

Wilson, R. (2010) "Tenure, RIP: What the Vanishing Status Means for the Future of Education." *The Chronicle of Higher Education*. Retrieved December 10, 2012 (<http://chronicle.com/article/Tenure-RIP/66114/>).

> Балканы вне балканизации

Светла Колева, Институт изучения обществ и знания, София, Болгария,
президент Болгарской социологической ассоциации

Открытие второй ежегодной конференции Балканского социологического форума в Большом зале Софийского университета св. Климента Охридского, 9 ноября 2012 г. Фото Хассана Бербера.

Хотя в течение более чем столетия Балканы ассоциировались главным образом с региональной фрагментацией, породившей термин «балканизация», Вторая ежегодная конференция Балканского социологического форума (София, 9-10 ноября, 2012) показала, что для социологов региона это все – в прошлом. Балканский социологический форум был создан в ноябре 2011 года в Тиране благодаря усилиям албанских социологов, особенно Леке Соколи, а также при участии и поддержке коллег из Македонии, Болгарии, Словении; это первый в истории случай институциональной реализации идеи создания Ассоциации социологов

Балкан – идея, впервые предложенная в начале 1990-х годов на тот момент президентом Болгарской социологической ассоциации Питером-Эмилем Митевым, но не реализованная из-за войны в бывшей Югославии. Восприняв уроки истории и осознав неизбежную необходимость совместной работы для преодоления недостатков и усиления некоторых преимуществ, балканские социологи создали свою организацию, нацеленную на взаимное приращение знания и совместные действия на региональной и международной социологической арене, и собрались в Софии для налаживания диалога и более близкого знакомства.

>>

Конечно, после падения Берлинской стены состоялось множество встреч балканских социологов и представителей других социальных наук в разных странах и на различные темы. Особенностью встречи с Софии в ноябре 2012 года была тема – Балканы как социальная и когнитивная проблема социологии.

Как нам охарактеризовать наших балканских соседей в качестве экономических и политических игроков, стратифицированных обществ и единых сообществ, образовательных и культурных структур, способов сосуществования и признания другого? Как прошлое влияет на настоящее в каждой стране и на отношения между странами? Какой современный опыт каждой страны может быть полезен для ее соседей, как сделать наше присутствие в объединенной Европе и мире конструктивным, взаимно обогащающим и стимулирующим? Как партнерам и конкурентам, занимающим далеко не ведущие роли на международной исследовательской арене, поддерживать свои национальные социологические традиции, держать руку на пульсе местных проблем и соблюдать научные критерии достоверности знания, когда мы сталкиваемся с обязанностью немедленного применения этих знаний на практике? Короче говоря, как нам, живущим на Балканах, заниматься социологией и создавать валидные и универсальные знания, избегая при этом оптики «балканизации» и самобалканизации?

Вокруг этих вопросов строились дискуссии шести тематических секций и пяти тематических панелей с участием более ста социологов из балканских стран (Албании, Болгарии, Греции, Косово, Македонии, Румынии), а также из Западной Европы и Северной Америки (Канада, Финляндия, Франция, Бельгия). Таким образом, в дискуссии наряду с исследователями, живущими в гуще балканской реальности и лично переживающими противоречивые тенденции развития

региона, приняли участие коллеги из отдаленных от Балкан стран.

Кроме того, Балканская конференция в Софии подтвердила хорошо известную социологии истину. Учреждения могут создать необходимые условия для самореализации индивидов и групп только в том случае, если их «населяют» люди с ясным видением призвания этого учреждения и его миссии. С другой стороны, люди могут быть движущей силой институций только в том случае, если последние признают индивидуальные и групповые усилия для осознанного развития этой институциональной деятельности. В то время, как воля к сотрудничеству и диалогу стала главным двигателем конференции в Софии, ее реализация была бы невозможна без моральной и финансовой поддержки МСА и объединенных усилий Балканского социологического форума (БСФ), Болгарской социологической ассоциации, Института изучения обществ и знаний при Болгарской академии наук, Университета Софии и Французского института в Болгарии.

Балканское социологическое сотрудничество обрело институциональную форму в 2011 г. в Тиране, что позволило организовать предметный диалог о преодолении границ на Балканах в Софии один год спустя. Диалог будет продолжен на Третьей ежегодной конференции БСФ осенью 2013 года в Македонии, и каждый последующий год в рамках отдельной национальной социологической ассоциации на Балканах будут проводиться дальнейшие встречи. Наиболее перспективным социологическим форматом для диалога Социологический формат диалога, который работает как «мост и дверь» (по известной метафоре Зиммеля), чрезвычайно перспективен для создания открытой перспективы, которая выводит нас за пределы наших отдельных миров и помогает прокладывать мосты в миры других. ■

> Междисциплинарность: конференция Филиппинского социологического общества

Кларенс М. Батан, университет Санто Томас, Манила, Филиппины, редактор исследовательского комитета RC34 (социология молодежи)

Фотография сделана после первого пленарного заседания Конгресса Филиппинского социологического общества в университете Атенео де Манила 19 октября 2012 года. Слева направо: Кларенс Батан (казначей ФСО), Эмма Поррио (член Исполкома МСА), Майкл Буравой (президент МСА), Филомин Кандализа (вице-президент ФСО), Лесли Лопес (секретарь ФСО), Филомено Агилар (президент ФСО), Гелия Кастильо (филиппинский исследователь), Стема Го (член комитета ФСО).

Социологи, практикующие исследователи и студенты из Филиппин и соседних стран собрались на Национальную конференцию Филиппинского социологического общества (ФСО) 2012 года, проходившую в университете Атенео де Манила (УАДМ) в Кесон-Сити 19-20 октября 2012 года. Почти сто человек из различных университетов и некоторых частных и некоммерческих организаций приняли участие в обмене знаниями на тему «Социология и междисциплинарность: неизбежный результат?» (*Sociology and Interdisciplinarity: A Foregone Conclusion?*)

ФСО было основано в 1952. Эта профессиональная организация просуществовала шестьдесят лет при

>>

активном участии местных и зарубежных социальных ученых. Данная конференция послужила случаем для рассмотрения дисциплинарного статуса социологии. Доктор Филомено В. Агилар, президент ФСО, емко сформулировал основной вопрос во вступительной речи: «Некоторые заявляют, что социология по сути своей является академической дисциплиной и должна удерживаться в профессиональных рамках, однако другие утверждают, что перипетии нашей повседневности, подверженные влиянию локальных и глобальных сил, не могут быть полностью поняты без учета взглядов и инструментов других дисциплин». Заключение доктора Агилара предоставило почву для интенсивной двухдневной дискуссии, дебатов и рассуждений.

Майкл Буравой, президент Международной социологической ассоциации (МСА), представил пленарный доклад, озаглавленный как «Междисциплинарность: обещания и опасности» (*Interdisciplinarity: The Promise and Danger*). Доктор Буравой удивил участников конференции своей неформальной подачей и предложил варианты идей критического представления междисциплинарности в социологии. Эти идеи послужили ключевыми точками для дискуссии на протяжении трех пленарных заседаний и четырех параллельных секций, где были представлены 35 докладов.

Особое внимание на конференции получили также пленарные выступления авторов книг – доктор Эрик Акпедону и доктор Царина Саломе-Акпедону, а также

доктор Филомено В. Агилар; заседание, посвященное нарративам исторических социологов и социальных историков; студенческий коллоквиум; форум с участием известного и уважаемого социолога и иезуита, отца Джона Дж. Кэрролла, который рассказал о своей жизни как оксмороне «священник/социолог»; а также выход 60-го номера журнала *Philippine Sociological Review* под редакцией доктора Филомин Гетьеррез-Кандализы и доктора Марии Андреи М. Соко. Были также организованы демонстрации книг, роскошные обеды и творческие программы под руководством доктора Эммы Э. Порлио, председателя факультета социологии и социальной антропологии УАДМ, и Лесли А. Лопес, секретаря ФСО.

Конференция ФСО в этом году не только послужила для филиппинских социологов поводом встретиться и познакомиться с новыми коллегами, но и утвердила роль социологии в создании более осмысленных, актуальных и прагматических отношений с другими науками, как социальными, так и естественными. Глобальные проблемы способствуют новым режимам конфликта, конфронтации и трансформации, и сотрудничество с коллегами-социологами по всему миру, касающееся проблем, коренящихся в филиппинской социальной реальности, выходит на повестку дня социологии Глобального Юга. Новое поколение молодых филиппинских социологов внесло свой энергичный вклад в конференцию, представив мульти- и междисциплинарный взгляд на будущее социологии, мотивированный стремлением к активному глобальному гражданству. ■

> Социология и социальные трансформации: 11-я конференция Азиатско-Тихоокеанской социологической ассоциации

Лесли Лопес, Университет Атенео де Манила, Секретарь Филиппинского социологического общества

Эмма Порио, главный организатор, появляется на двух крупных конференциях в университете Атенео де Манила за неделю. На этой фотографии у нее перерыв на обед в Азиатско-Тихоокеанской социологической ассоциации.

Факультет социологии и антропологии совместно с Институтом филиппинской культуры при Университете Атенео де Манила (Филиппины) успешно организовали и провели 11-ю конференцию Азиатско-тихоокеанской социологической ассоциации (APSA) 22-24 октября 2012 г. Тема форума - “Социология и социальные трансформации в азиатско-тихоокеанском регионе”, - привлекла 260 участников из 23 стран Азии, Африки, США, Европы и Тихоокеанского региона.

Ведущие социологи азиатско-тихоокеанского региона выступили с докладами по вопросам социологии публичной сферы, теории Юга, гендерной

проблематики, лидерства и мобилизации знания (в частности, среди выступающих были: Майкл Буравой (Президент МСА), Рауэн Коннел (Университет Сиднея), Данг Нгуэн Ан (Вьетнамская академия социальных наук), Винита Синха (Национальный университет Сингапура), Майкл Ксяо (Академия Синика, Тайвань), Сурихай Вангео (Университет Чулалонгкорна), Эмма Порио (Университет Атенео де Манила), Филомено Агиляр, мл. (Президент Филиппинского социологического общества и Университета Атенео де Манила), а также Мария Синтия Розе Батиста (Комиссия по высшему образованию, Филиппины).

В течение трехдневной конференции в рамках 60 секций и 180 докладов участники

затронули широкий круг проблем, касающихся региона: гендерное равенство, глобализационные процессы, образование, изменение климата и технологии. Конференция завершилась пленарным заседанием по “консолидации сообщества ученых в сфере социальных наук в азиатско-тихоокеанском регионе”, которое модерировали Майкл Буравой и Эмма Порио, с участием представителей различных национальных ассоциаций: Язава Шуджиро (Японское социологическое общество), Данг Нгуэн Ан (Институт социологии, Вьетнамская академия социальных наук), Ручира Гангулай-Скрейз (APSA), Мишель Ших (Тайваньская социологическая ассоциация и Академия Синика), Мохамед Тавакол (Иранская ассоциация социальных наук), Винита Синха (Национальный университет Сингапура) и Сурихай Вангео (Тайский социологический конгресс). ■

> Глобальные движения, национальное недовольство

Бенджамин Техерина, Университет страны Басков, Испания, председатель Исследовательского комитета 48 (Общественные движения, коллективное действие и социальные изменения), член Исполкома МСА, 2010-2014

Заброшенная фабрика в Баррио-де-Ланус (Буэнос-Айрес, Аргентина), превращенная в образовательный центр. Фото Бенджамина Техерины.

Изменчивые, подобно хамелеону, общественные движения подталкивают социологию к развитию новых инструментов для их изучения. Исследования коллективного действия и общественных движений сделали значительный шаг вперед в последние десятилетия, расширив наше знание об их возникновении, консолидации, угасании и социальных последствиях.

Начиная с декабря 2010 года, мы наблюдаем непрекращающуюся череду мирных гражданских протестов, захватывающих («оккупирующих») публичное пространство и выступающих с

критикой политических режимов, для которых характерны либо весьма сомнительная демократия, либо откровенно авторитарное правление. Такие страны как Тунис, Египет, Марокко, Йемен, Бахрейн, Израиль, Испания, США испытали особенно сильную волну акций захвата публичных мест (Occupy movements). В ряде случаев сила мирной мобилизации оказалась достаточной для того, чтобы вызвать значительные социальные изменения, но во многих местах вновь и вновь вспыхивало насилие. Итоги мобилизации не до конца ясны и продолжают анализироваться множеством экспертов. Движения распространяются, как вирус, из одной страны в другую при помощи социальных сетей. Этому способствует, в том числе, распространение изображений по всему миру через Интернет. Мануэль

Кастельс справедливо отметил сетевой характер современных общественных движений.

Чтобы проанализировать волну общественной мобилизации, ИК48 (Исследовательский комитет по социальным движениям, коллективному действию и социальным изменениям) совместно с ИК47 (Социальные классы и социальные движения), организовал международную конференцию «От социального к политическому: новые формы мобилизации и демократизации», которая состоялась в феврале 2012 года в Бильбао. ИК48 и Университет Страны Басков издали сборник статей о мобилизации в Северной Африке, арабских странах и Южной Европе (см. http://www.identidadcolectiva.es/ISA_RC48/)

В течение прошлого года основной

>>

деятельностью ИК 48 была организация почти двадцати сессий, презентаций, обсуждений и круглых столов в рамках Второго социологического форума Международной социологической ассоциации, проходившего в Буэнос-Айресе 1-4 августа 2012 года. Эти сессии создали возможность для рассмотрения новых тенденций и теоретических подходов к изучению общественной мобилизации и социальных изменений, обсуждения роли креативности, эмоций и телесности в протестных действиях, анализа визуальных репрезентаций несправедливости и социального исключения, понимания взаимоотношений науки, технологии и общественной мобилизации и, наконец, они позволили услышать голоса латиноамериканских улиц.

Здесь мне хотелось бы подчеркнуть теоретический вклад, внесенный исследованиями общественных движений в Аргентине, Чили, Бразилии, Колумбии, Боливии и Эквадоре. У них относятся движения *riqueteros*, студентов, инвалидов, членов семей жертв политических репрессий, черной молодежи, безземельных работников, бездомных и жителей рабочих районов, испытывающих трудности, а также борьба коренных народов, движение за восстановление заброшенных заводов, протесты против торговли людьми. Встреча в Буэнос-Айресе дала нам возможность лицом к лицу обсудить движения Латинской Америки и всего мира, которые несмотря на свою недостаточную

известность оказали важное влияние на демократизацию и борьбу с социальной несправедливостью.

Более того, благодаря коллегам из Университета Буэнос-Айреса и Института Гино Германи, нам удалось напрямую связаться с представителями восстановленных заводов и низовыми общественными организациями. Многие доклады, представленные на сессиях ИК 48 в Буэнос-Айресе, опубликованы в коллективной монографии под ред. Б. Техерина и И.Перугорриа «Глобальные движения, национальное недовольство: мобилизация ради «настоящей демократии» и социальной справедливости».

> Участие молодежи в деятельности ООН

Джованни Родригес, Колледж уголовного права им. Джона Джея, Нью-Йорк, США

В соответствии с положением Департамента общественной информации Организации Объединенных Наций (ДОИ), в 2012 году я стал первым представителем молодежи МСА в этой организации. В ходе дебатов точки зрения участников варьируются в зависимости от национальной принадлежности, расы и пола; однако разнообразие в возрасте редко принимается во внимание. Так как особенно спорные вопросы рассматриваются с целью разработки изменений и реформ, исключение молодежи может отрицательно отразиться на многих инициативах, предпринимаемых ООН. Привлечение молодежи важно само по себе, поскольку это воспитывает будущих проводников в жизнь важных для НГО и ООН вопросов. Молодое поколение может также помочь активистам в борьбе за свои интересы с помощью новых технологий информирования широкой общественности и повышения уровня осведомленности.

В марте 2012 я участвовал в брифинге ДОИ / НПО. На панельной дискуссии об использовании санитарной обработки воды для продвижения гендерного равенства выступала студентка Фелицианского колледжа. И хотя аудитория была воодушевлена присутствием молодой докладчицы (что большая редкость), ее попытки использовать Фейсбук тут же привели к разрыву контакта с аудиторией. Публика не отозвалась на просьбу «вытащить» свои мобильные телефоны, а одна пожилая

дама заявила: «Я даже не знаю, как посылать сообщения». В то время как молодые люди могут совершенно спокойно использовать социальные медиа как один из способов достижения целей НПО, действующие активисты мало знакомы с современными методами повышения уровня осведомленности публики.

Важно мотивировать молодежь на участие в движении ООН, так как социальные медиа и технологии могут быть использованы в интересах НПО самыми разными способами. Однако, чтобы успешно привлекать молодежь и использовать наш опыт, мы должны чувствовать свою причастность к обсуждаемым вопросам. На одном из первых мероприятий НПО, на котором присутствовал я, обсуждалась сексуализация детей, поскольку некоторые организации пытаются добавить сексуальное образование к правам человека. Когда же были высказаны негативные точки зрения на гомосексуальность и сексуальное образование в начальной школе, я осознал, насколько мало шансов у этого обсуждения привлечь представителей моего поколения. Есть два способа потерять интерес молодежи: заставить нас скучать и читать нам нотации. Разрушение невидимой стены, отделяющей активистов НПО и растущие молодежные движения, могло бы привести в ООН лучшее от обеих сторон, что пошло бы только на пользу гуманитарным усилиям, направленным на изменения и реформы. ■

> Настоящие женщины народности бедик

Эрин Снайдер, Университет Темпл, США

Эрин Снайдер получила Мемориальную премию Рейчел Танур по визуальной социологии в 2012 г. Эта премия присуждается раз в два года исследовательским советом по социальным наукам и финансируется Фондом семьи Марк. В качестве жюри выступают члены тематической группы МСА по визуальной социологии (ТГ 05), а с 2008 г. ТГ05 организывает церемонию награждения на встречах МСА. Более подробная информация о Памятной премии Рейчел Танур на сайте <http://www.racheltanurmemorialprize.org>.

Четыре, а то и шесть раз на дню женщины народности бедик в юго-восточном Сенегале носят воду из ближайшего колодца в свои селенья. Их ноги протоптали тропинки в красной земле и отполировали камни вверх по пути в горные деревни. Одним жарким днем в деревне Индар несколько женщин пригласили меня поснимать. Пока они шли и непринужденно болтали, я фотографировала их с разных ракурсов и среди прочих сделала этот снимок Денизы и Мари. Фотография была сделана в рамках большого этнографического проекта по культурному туризму в деревнях народности бедик. Для исследования того, как люди

бедик хотели бы представить туристам свою культуру и визуализировать групповую идентичность я использовала метод сотрудничества с помощью фотографии (collaborative photography). Жители предложили мне сделать фотографии женщин бедик в традиционных одеждах, с традиционными прическами, выполняющих традиционные задачи. И потому меня не удивило то, что эта фотография Денизы и Мари им особенно понравилась. Скорее, любопытным было то, что именно эти женщины, как твердо заявили жители, репрезентировали настоящих бедик ("le vrai Bedik").

Это фото подтверждает ощущение, пусть и иллюзорное, что деревни бедик остались незатронутыми

силами глобализации. Более того, фотография отвечает тенденции фетишизации женского труда, в которой мотив женщины, несущей воду, стал индексичным для африканской культуры. Называя Денизу и Мари «настоящими женщинами народности бедик», жители селения определяют их в соответствии со своим культурным канонем, расценивающим женщин как уважаемых в сообществе носителей культурного знания. Повторяющиеся изображения фигур со спины создают определенную анонимность; они репрезентируют силу всех женщин бедик и, как следствие, устойчивость и прочность этой культуры. В этом образе прочитывается мысль, что женщины бедик несут на своих плечах груз гендерной аутентичности, демонстрируя способность к активному действию и чувство собственного достоинства. ■